

899.969.3

Ч 12

АВЧАВАДЗЕ

КАЦИА ДАМШАНИ

ЗАКГИЗ
ТИФЛИС

***К Л А С С И К И
Л И Т Е Р А Т У Р Ы
Н А Р О Д О В
З А К А В К А З Ь Я***

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

1837 — 1907

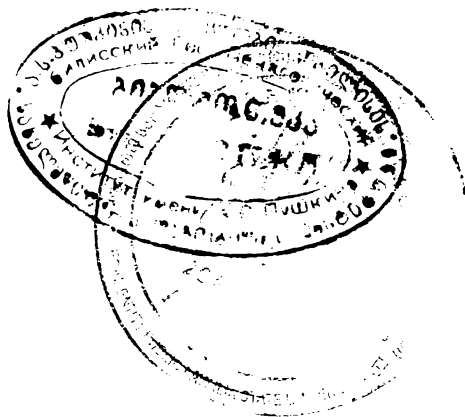
Закавказское Государственное Издательство
Тифлис

ИЛЪЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

КАЦИА АДАМИАНИ

Перевод А. Неймана

Закавказское Государственное Издательство
1 9 3 6

ილიაუნის ბიბლიოთეკა
დარბაზი: <u>15</u>
ხაზგაშლილი: <u>270000000606</u>
საბუღალტრო: <u>899.969.3 412</u>

Переплет, форзац и рисунки
художника *С. Кобуладзе*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории грузинской литературы XIX век занимает особое место. В своем наиболее полном выражении завершается один этап литературы, зарождается другой. Решительной ломкой векового патриархально-феодального уклада XIX век внес в общественную жизнь Грузии много нового и своеобразного.

Господство разрозненных, обессиленных феодальных князьков доживало свои последние годы. Страна сделалась объектом свирепой колонизаторской политики российского самодержавия. Острые царских штыков несло угнетенным классам грузинского народа двойную кабалу; к национальному угнетению присоединился свирепствующий произвол помещиков и дворян, нашедший крепкую подмогу в царских штыках. Этот режим дал толчок ряду крупных крестьянских восстаний. Утверждение русского самодержавия в начале натолкнулось на фронду грузинской феодальной аристократии, не желавшей расставаться со своими традиционными привилегиями. Эта фронда, под видом национального возмущения, вылилась в заговор 1832 года. Но скоро феодальная аристократия полностью осознала выгоды, истекающие для нее от господ-

ства русского царизма, и начался усиленный процесс сращивания грузинской аристократии с правящей бюрократией русского царизма. Национальное возмущение возбужденной на первых порах аристократии было умело заглушено чинами и орденами. «Бескорыстную любовь» к родине легко сменила «преданность русской монархии». Блистательный князь и выдающийся поэт Григол Орбелиани, участник заговора 1832 г. сделался наместником на Кавказе и видным генералом, рьяно воевавшим против Шамиля.

Подавление крестьянских восстаний внутри страны еще больше усилило разгул крепостничества. В то же время среди крестьянства усиливался глухой ропот. Разложение, точнее вырождение дворянства и помещичьей знати принимало все более уродливые формы.

Торговый капитал с большими трудностями, но неуклонно пробивал себе дорогу. К шестидесятым годам стала уже остро ощущаться железная необходимость социальных сдвигов. Начали пробиваться пока еще слабые ростки национально-освободительного движения, притом в весьма своеобразной форме. Дворянской интеллигенцией по-новому стала осмысливаться идея патриотизма. В эти годы развернулась борьба между «отцами» и «детьми». Она разгоралась вокруг сущности «истинного» патриотизма и лучшего служения родине. Одним из поводов к этой борьбе послужила проблема литературного языка. «Отцы» — старые литераторы, упрекали молодых

в порче языка, молодые же ставили в упрек отцам не только порчу языка, но и их беззаботность, тунеядство, ложный патриотизм и т. п. По существу же это была борьба не только вокруг вопросов литературного языка. Группа молодых литераторов 60-х годов, так называемые «Терг-далеули», вернувшаяся из петербургского и московского университетов, возглавила новое направление в литературе и в общественной жизни, противопоставив его косности, традициям, реакционному романтизму своих старых собратьев по классу и перу.

Основоположником и вдохновителем этого нового направления, созданного «Терг-далеули», был Илья Чавчавадзе. Это направление объединяло передовую, либеральную часть дворянства, которая ощущала необходимость сдвигов в общественной жизни и вопреки упрямой слепоте «отцов» считалась с этими тенденциями, с тем новым, что надвигалось с неизбежностью. По существу эта группа передового дворянства стояла за — «русский путь развития», она выступала за перевооружение своего класса, высказывалась за то, чтобы приспособиться к новым условиям жизни, не отставать и не сойти позорно с исторической арены. Она боролась против косности, против звериного оступевшего облика дворянства.

Илья Чавчавадзе — наиболее умный представитель дворянства и ее идеолог. Трезвый аналитик и умный политик — он великолепно видит, что

так продолжаться дальше не может, что это — путь неизбежной гибели дворянства, как класса.

У большинства населения, у крепостного крестьянства были отняты самые элементарные человеческие права: оно было низведено до положения бессловесного животного. Зверские притеснения все более ожесточали трудовые массы. И. Чавчавадзе видел, что это положение вещей грозит даже гибелью господствующему классу. Неограниченность прав, полное безделье и паразитизм, отсутствие всяких сдерживающих политических и моральных норм, косность, приверженность традициям превратили дворянство в толпу насильников, убийц, тупых, бессмысленных животных. И Илья Чавчавадзе, правильно оценивая это положение и понимая, как опасно оно для самого дворянства, берется за исторически невозможное дело: он хочет образумить и исправить свой класс. Как художник, он в первую очередь прибегает к могучим средствам искусства, литературы. Писатель обличает, бичует, беспощадно вскрывая язвы современного ему общества. Об'ективно-реалистически, но в то же время гневно, страстно, с суровой прямолинейностью описывает он уродства жизни, калечащие огромное множество людей, показывает дворянина, потерявшего человеческий облик, насильников и притеснителей, «владельцев души и тела» крестьян. В ряде произведений: «Рассказ нищего», «Како разбойник» и др. дана галерея типов окончательно выродившихся дворян, по-

казаны сцены нечеловеческой расправы над не-
повинными крестьянами и назидательно описаны
опасные последствия такого обращения с подне-
вольными людьми.

«Кациа адамиани» — одно из первых произве-
дений И. Чавчавадзе, — занимает особое место в
его творчестве. Оно явилось первым краеуголь-
ным «камнем», выявившим социальную целеустрем-
ленность писателя. Тема этого произведения —
крепостничество, социальные взаимоотношения
дворянства и крепостных. В то же время «Кациа
адамиани» имеет свою особую заостренность,
чрезвычайно важную, интересную и глубоко со-
держательную. В «Кациа адамиани» писатель за-
дался целью показать, во что превращает самих
дворян и помещиков крепостное право с его без-
удержной эксплуатацией чужого труда. Смелы-
ми красками большого мастера, в форме острой,
глубоко реалистической сатиры И. Чавчавадзе
обрисовал жуткие, отталкивающие типы вырож-
дающегося дворянства. Образ «сиятельного кня-
зя» Луарсаба Таткаридзе прочно вошел в гру-
зинскую литературу, как позорный памятник
эпохи крепостничества.

Большой мастер критического реализма,
И. Чавчавадзе обессмертил этот образ и, поми-
мо своей воли, вынес исторический приговор па-
разитическому классу дворян. В образе Луарсаба
и его верной и достойной подруги жизни — Да-
реджани, сконцентрированы типические черты
дворянства эпохи последнего периода крепост-

ного права. Могучая художественная сила пера И. Чавчавадзе позволила ему правдиво, с большой, неотразимой убедительностью охватить образы Луарсаба и Дареджани. Простота, сочность, рельефность и необычайная характерность видны в обрисовке этих уродливых, но типичных существ. Илья Чавчавадзе — поборник идеи необходимости труда для всего человечества, в том числе и для своего класса, класса дворянства. Вконец деградировавшее дворянство полностью игнорировало все виды труда. Труд же, по мнению И. Чавчавадзе, — основа жизни, движения вперед, основа человеческого существования, то, что отличает людей от четвероногого животного. Князь Луарсаб Таткаридзе, полностью отгородившийся от труда — этой **основы** человечески осмысленной жизни, неизбежно превратился в животное. Луарсаб целиком отрезвился от труда, и в нем атрофировалось, вытравилось все человеческое, все разумное, осмысленное и имеющее право на жизнь. Вот в чем заключается основная мысль этого, для своего времени смелого, глубокого, грозно обличительного произведения И. Чавчавадзе, раскрытого в самом названии его «Кация адамиани» — «Человек ли это?»

Это произведение иллюстрирует то положение, что крепостничество, как социальная система, привело к тупику, и разложение господствующего класса достигло своего предела. За Луарсаба работали крепостные; даже жажда на-

живы не двигала им. Элементы торгового капитала он презирал, считая их позорящими дворянское достоинство. Став каким-то подобием человека, Луарсаб потерял способность и желание двигаться, держать в порядке хотя бы то, что окружало его. Дом Луарсаба — образец запущенности и развала. Луарсаб и Дареджани сохранили единственную потребность: есть и спать. Никаких признаков духовной жизни, никаких проявлений человеческого разума.

Луарсаб и Дареджани и герои последующих произведений И. Чавчавадзе (Батико из «Рассказа нищего» и др.) — типичные образы дворянского сословия в последний период крепостничества. Отражение в литературном произведении этих взятых из действительности образов объективно есть суровый приговор по адресу феодально-крепостного строя и господствовавшего класса дворян, но намерения самого автора так далеко не шли. Он не хотел выступать против всей системы, против социального неравенства. Он хотел сгладить противоречия и борьбу классов.

В «Кациа адамиани» И. Чавчавадзе хотел показать своему классу пропасть, до которой этот класс уже докатился, напугать, оштрафовать и поставить его на путь к исправлению. И. Чавчавадзе верит в эту возможность; он ищет выхода. Для этой цели он подносит зеркало своему классу и говорит: — «Не думай, что этой повестью я хотел рассердить тебя. Нет! Ее цель — показать тебе (насколько она в состоянии) твои пороки,

лиз'яны и недостатки, чтобы ты знал, в чем надо исправляться. Ведь пока не посмотришь в зеркало или пока не подскажет тебе кто-нибудь, ты не узнаешь, какой у тебя на лице недостаток. Пусть же эта повесть будет зеркалом, а я, если угодно, подсказчиком». Иносказательно эти слова должны были значить: «Вот посмотрите на ваш облик, потерявший всякий человеческий вид, на собственное уродство, и исправьтесь, пока не поздно. Угнетаемые вами крестьяне—тоже люди, и люди благороднее, честнее вас, люди облагораживающего труда. Не притесняйте же, не попирайте их человеческих прав, дайте и им жить, сами же вы будьте деятельнее, принимайте участие в труде, иначе вы тоже станете Луарсабами».

И. Чавчавадзе — не враг классу; породившему Луарсаба и Дареджани. Не случаен эпиграф к «Кация адамиани» — «Порицай друга в глаза, не друга за глаза». Передовой и умный представитель и идеолог этого класса скорбит, негодует на то, что гибнет его класс, и ищет выхода.

И. Чавчавадзе не дошел до сознания того, что исправить класс, осужденный на гибель ходом истории, невозможно, что выхода у него нет, что класс, породивший Луарсаба, должен сойти со сцены. Несмотря на это, исторический резонанс произведения Чавчавадзе перерос рамки авторского замысла. Суровый реализм, историческая правда жизни, отраженная в ярких художественных образах, надолго сохраняют для нас ценность.

Значение Ильи Чавчавадзе в истории грузинской литературы огромно. Утверждение критического реализма творчеством И. Чавчавадзе было поворотным пунктом в ее развитии. Вместе с Акакием Церетели И. Чавчавадзе явился канонизатором нового грузинского языка, обогатившим литературу сокровищницей народной речи. До сих пор еще произведения Чавчавадзе являются образцом упорной работы художника над словом, над художественным образом. Наша советская литература может многому научиться у большого мастера пера — классика И. Чавчавадзе, критически осваивая его богатое литературное наследство.

Предлагаемое в этом издании произведение «Кациа адамиани» — литературный памятник позорного рабства, крепостничества, является одним из ярких творческих документов писателя.

Б. БУАЧИДЗЕ

КАЦΙΑ АДАМИАНИ

В риторике сказано: «Всякое дело должно начинаться вступлением».

Правильно! Мы с этого и начнем!

Кто в лице Луарсаба узнает себя, кто сказанное о Луарсабе примет на свой счет, тот непременно закидает грязью автора этой неудачно написанной повести и назовет его сумасшедшим. Но пусть будет им известно, что мы не имеем в виду личностей и что нас интересуют лишь общественные болячки.

Что бы там ни говорили, я ободряю себя справедливостью следующих слов: «Порицай друга в глаза, недруга—за глаза». Где ты теперь, автор этой мудрой мысли? Знаю, где. Ты, незримый, в народе и принадлежишь народу.

Знаю я и твое имя. Тебя зовут гением народа. Знаю так же и твои свойства: ты всегда не погрешим. Ты, и только ты, придаешь бодрость тому, кто болеет душой за «других». Ты ободряешь и тогда, когда эти «другие» сердоболие своего радетеля считают за грех. Ничего не поделаешь! Одни проявляют сердоболие в том, что одобряют в своем друге даже дурное, другие же — в том, что порицают в нем это. В ком из них больше подлинной любви и сердоболия, пусть решит сам читатель.

Хороша была усадьба князя Таткаридзе. Вообразите себе в маленькой деревушке средней Кахетии живописно раскинувшуюся поляну и на ней двух'этажный каменный дом. Вот из чего он состоял: сбоку помещался винный погреб, крытый обрезками виноградной лозы, на задней стене погреба была надстроена маленькая комната с балконом. К балкону, словно гнездо ласточки, лепилась досчатая клеть, служившая для хранения постели. На порядочном расстоянии стояла торня¹, обнесенная также досчатой стеной; за ней следовала кладовая и одноглазый, убогого вида амбар для кукурузы. Тут же — бахча, отгороженная изгородью. У изгороди, неподалеку от тутового дерева, виднелась крытая соломой изба; она стояла, подавшись вперед и пригнувшись, словно собралась было прилечь в тени, но застыла на месте, как старуха, схваченная приступом подагры. Громадный двор этого укрепленного замка был обнесен обветшалым частоколом. Он развалился местами, но нынешнему хозяину и в голову не приходило починить его. Видать, что владелец — грузин!..

Частокол заканчивался огромными воротами, одна половина которых вот уже два года так жалко скосилась на крюке, будто ее схватил столб, чтобы высечь, а она тянется, стараясь вырваться. У ворот начиналось громадное гумно. Вдоль одной стороны его высилась навозная куча, упиравшаяся в саманник. Препотешно выглядел этот саманник: такой вид бывает разве только у гуся с подбитым крылом, когда он стоит, подняв лапку, с глупым, удивленным видом.

¹ Грузинская печь для выпечки хлеба.

Много занятого на этой навозной куче наблюдал я в годы моего детства: здесь часто находили себе усладу свиньи, нежась и блаженно хрюкая; своим мягким рылом они копались в этой ароматной куче с превеликим усердием и заботливостью, — ну, просто, свиньи да и только! А их шутки! А ласки! Невозможно просто описать!.. В порыве увлечения они не раз тузили друг друга, и какой при этом подымался визг и вой! Так угощает тумакami свою молодую жену наш крестьянин, выражая ласку. Кто-то сказал: «Грузинская любовь выражается руганью». — А я бы добавил: — «А шутливая ласка — тумакami». У начальства затрещина имеет совсем иное значение: там она — средство вразумления... Но это не наше дело.

Двор внутри был грязен, как душа старого чиновника. Мудрено было пересечь этот двор и пройти до хозяина дома без того, чтобы не запахнуть и не пропахнуть благоуханием, наполнявшим воздух.

Такова была усадьба снаружи. Теперь, господа, пожалуйста в дом князя Таткаридзе. Но предупреждаю вас, если мы хотим навестить его, надо принять меры предосторожности! Пол всюду кирпичный, но это полбеда! Беда же в том, что во многих местах кирпичи выпали и образовались выбоины, в которые легко попасть, если не глядеть в оба: либо шею себе свернете, либо ногу сломаете. Хозяин, конечно, будет очень извиняться, но вы понимаете, что извинением едва ли можно залечить ушиб или вправить вывих.

Этой опасности можно было бы избежать, будь в комнате светло. Но и тут неладно. Правда, имеются два окна, побольше бойницы, и тем не менее в комнате темно, так как в оконные ра-

мы кто-то, чересчур смекалистый, догадался вместо стекол вставить просаленную бумагу. Вот к этому-то случаю подходит поговорка: «Сноровка лучше силы, сумей только надумать»¹. Ну, а в выдумках лучшему европейскому сплетнику не сравниться с грузином.

Мне не раз приходилось и в других местах видеть так нелепо заделанные окна, не раз видел я на этой просаленной бумаге иглой наколотые узоры в виде сердца, креста или надписи, вроде: «Как медведю пройти по ветке? Иавна-ни-на»². Это уж, верно, дело женских рук. Впрочем, если оно и так, что же тут предосудительного? Надоело бедненькой читать псалтырь, одолела ее тоска, и вот, чтобы скоротать уныло тянувшийся день и поупражнять свой ум, посидела она к окну, выдернула из платья булавку и принялась за это, действительно, упражняющее ум занятие. Сидя без дела, нашла для себя «маленькое дело», которое по пословице «лучше большого безделья».

В комнате Таткаридзе стояли друг против друга две длинные тахты. Такой изумительной чистоты были разостланные на них войлок и ковры, что стоило сиятельной княгине сиятельно сделать сиятельный шаг, как поднималась туча пыли, да так красиво, что трудно было оторвать глаза. Между тахтами, посередине стены, находился весь прокопченный и снаружи, и изнутри угрюмый камин, напоминавший собой открытый рот беззубой старухи. Там и сям по комнате в виде украшения была разбросана всякая всячина: покрытые грязью белые карабахские сапоги.

¹ Сравните с поговоркой: «Где силой взять нельзя, там надобна ухватка».

² Припев, соответствующий русскому «баюшки-баю».

медный кувшин с отломанным носиком, засаленный подсвечник, заваренный в медном чайнике: чернобыльник, кусок балыка и прочее и прочее.

II

Не думайте, читатель, что этот дом принадлежит какому-нибудь бедняку и потому так немилосердно заброшен. Напротив, хозяин дома владеет двадцатью дворами зажиточных крестьян, с которых получает до десяти ароб барщины, а также множеством овец и сотней лошадей, а эти последние для просвещенного помещика не меньшее благо, чем крепостные. Таково — движимое имущество. Теперь перечислим недвижимост: два больших виноградника и пятьдесят десятин пахотной земли. Это состояние, начиная с крепостных и кончая лошадьми и землей, в умелых руках — приличное достояние.

«Но почему же так жалко выглядит усадьба», — спросит удивленный читатель.

«А потому, что хозяин ее — грузин», — отвечаю я, вполне убежденный, что привел исчерпывающий довод.

Да! В этом прекрасном доме жил грузин. Здесь сладко и безмятежно проживал князь Луарсаб Таткаридзе со своей неразлучной супругой княгиней Дареджани.

Князь Луарсаб Таткаридзе был истый грузин плотный, хорошо упитанный, лет сорока, круглый, как, извините за выражение, откормленный боров. Солидный был вид у их сиятельства: голова такая крупная, точно от ее тяжести ушла в плечи толстая, как колода, шея; красные, как яблоки, и лоснящиеся от жиру щеки; соблазнительно свесившийся тройной мягкий подбородок, большие, постоянно налитые кровью гла-

за, точно кто-то стянул ему горло веревкой; надутое, далеко выпирающее, очень почтенное и почитаемое пузо, корявые и заплывшие жиром волосатые руки; толстые, как обрубки, ноги, — все это вместе и каждое в отдельности составляло достойное украшение «с неба навешанной души» князя Таткаридзе. Самой «навешанной души» не было видно нигде, ибо, повидимому, она заглохла, растворившись в обильном жиру его сиятельства.

Образования он, благодарение богу, не имел никакого, иначе не был бы таким тучным. Замечено, что когда увядает дух, наступает расцвет плоти и, наоборот, когда расцветает дух, хиреет плоть. Потому-то говорят, что чахоточные — умные люди.

Но нашего Луарсаба не очень угнетало то, что он был неучем.

— Учение — это нынешнее зло, — говорил он с болью сердца, точно скорбел за человечество, страдающее от этого зла.

И правы были их сиятельство! По его мнению, каждый человек представляет собой сосуд с выбитым дном, и как ни заваливай его едой и ни заливай питьем, никак не наполнишь. На собственном примере своим блистательным умом блистательный князь Луарсаб видел, что это назначение прекрасно может выполнить человек и без всякого образования, в особенности если обладаешь стадом и крепостными, крепостными, которые, в сущности, мало чем отличаются от стада.

— Переменились нынче времена, — говорил часто со вздохом Луарсаб, — переменились времена! С тех пор, как завели эти чертовские

школы, батона¹, не стало прока в грузине. Совсем исчез цвет лица у наших детей: есть — ничего не едят, пить — ничего не пьют, что это за люди? Знают грамоту? Ну, и что же? Оттого, что я не умею читать, писать, что же, разве я не мужчина, не ношу шапки на голове²? Чего мне нехватает: дородности в теле или цвета лица? Да разве книга — мужское занятие? Это женское дело. То ли было в доброе, старое время! Все чин-чином. Каждый знал свое место! Добрый конь, хорошее ружье, надежная рука, — вот ты уже почитаемый всеми человек!..

Эх, мой Луарсаб! Знаю, что ты искренен, как истый грузин, но напрасно вздыхаешь о минувших днях. Ты даже не знаешь, что было желанного в старину? Разве нет теперь лошадей? Разве теперь не бьет в цель ружье? Мало ли и теперь надежных рук? Все это есть и сейчас, но нет прежнего духа, нет пылкости души, той беззаветной преданности отечеству, которая в благом деле умела использовать доброго коня и хорошее ружье. Раньше человек украшал собой и лошадь и ружье, а теперь лошадь и ружье украшают человека. Хороши были минувшие дни, но недурны и следующие слова Бесариона Габаливи: «Одно «есть» лучше, чем тысяча «было».

Скажем это и прикусим язык, не то...

Хотя зло нашего времени и печалило Луарсаба, однако лицо его, постоянно смеющееся, выражало одну и ту же исключительную глупость. «Запряги быка с быком, он перенимет либо масть, либо нрав»³, — гласит пословица.

¹ Милостивый государь, сударь.

² Признак мужского достоинства.

Сравните с поговоркой: «С кем поведешься, от того и наберешься».

Нигде я не встречал такого оправдания этой по-
словицы, как в доме князя Луарсаба. Его дра-
жайшая супруга княгиня Дареджани была дос-
тойной половиной своего благоверного, состав-
ляя вместе с ним, как говорится в священном
писании, «едино тело и един дух». И как еще!
Та же округлость форм, та же тучность, то же
улыбающееся лицо и почти та же глупость. Эти
два прелестных голубка, единые душой и телом,
жили удивительно сладко вдали от людской суеты.
Как только прокричат петухи, эта счастливая
чета продирала глаза. Дареджани сейчас же
вскакивала с постели, а Луарсаб, избалованный
Луарсаб любил иногда понежиться. В расстег-
нутой рубашке, он с трудом перекашивался с по-
стели на тахту с пыхтеньем, сопением и... еще
кое с чем другим. Случалось, что в этой неге он
убивал докучное время до самого обеда.

Грузины говорят, что тот, у кого много рас-
тительности на теле, счастлив в жизни. И верно!
Потому-то и счастливы животные! Если это —
вранье, почему же многие из нас стараются
стать животными? А потому, что животные сча-
стливы; счастливы же они потому, что на теле
у них растительность.

Не знаю, как на теле, но вся грудь у Луар-
саба была сплошь покрыта волосами, точно це-
тиной, так что в минуту опасности многие по-
дозрительные существа могли укрыться здесь,
однако... Что однако? Разве Луарсаб не был сча-
стлив? Дай, бог, столько лет жизни автору этих
строк, сколько таких же, как Луарсаб, князей с
вождедением смотрели на его благополучие. До-
статочно было одной его волосатой груди (не го-
воря о прочих благах), чтобы какого-нибудь
несчастливец взял зависть. Чего, в самом деле.

недоставало Луарсабу? Цвета лица или здоровья? Какие тяжелые думы и заботы могли лишить его сна и аппетита. Цвет лица у него был хороший, дородности — и того больше. А относительно еды, питья и сна и говорить нечего. Чего еще нужно грузину, для которого мерилom счастья или несчастья служит растительность на теле и которому судьба определила всю жизнь отгонять мух шапкой?

Не наскучило ли тебе, читатель? Конечно, наскучило! Нет здесь ни любовных ухищрений, ни смертоубийств, ни вздохов безнадежно влюбленной девы, ни самоубийства, словом, здесь нет ничего такого, что украшает повести, написанные для забавы и развлечения.

Нет сомнения, что наскучило. Но знай, читатель, что я, подписавшийся ниже, пишу эту бесхитростную повесть не для развлечения и забавы читателя. Я хочу, чтобы она заставила его призадуматься, а если при этом он и затоскует—не беда! Ведь дума и тоска неразлучны, как брат и сестра. Я хочу, чтобы читатель загрустил не от того, что повесть незабавна сама по себе, а потому, что, действительно, есть над чем призадуматься. Если эта незатейливая повесть сумеет достигнуть своей цели, мне больше нечего хотеть, мой скучающий читатель,—ничего другого я и не хотел. А если не сумеет, что же делать? Утешусь тем, что «лучше впустую работать, чем впустую бездельничать». Эта благословенная пословица очень многих ничемных людей выставляет иставляла дельными. Пусть и я буду в их числе.

Терпеть не мог Луарсаб, если кто-нибудь мешал ему, когда он, как описано нами выше, пребывал в неге и в наслаждении, то есть важно

и чинно возлежал на тахте и переворачивался с боку на бок. «Он не выносит гостей»,—говорили о нем неразумные люди. Но разве это от скупости? Что вы, помилуйте! Грузин и скупость! Да разве это совместимо? Разве могут ужиться лед и огонь? И если он не выносил гостей, то только потому, что нужно бывало встать и одеться. Вставать — еще куда ни шло! Это еще не так затрудняло его, но одеваться было для него смертью. Целое лето, бывало, проводил он так, что кроме рубахи и подштанников никакая другая одежда не прикасалась к его телу, если он был предоставлен себе самому. А если нет, — что же ему оставалось делать? Зимой же он просто накидывал поверх рубахи шубу, если не жаловал к нему какой-нибудь знатный гость, вроде например диамбеги¹. В те времена, к которым относится наш рассказ, диамбеги был большой шишкой. Только с тех пор, как вошло в моду это проклятое учение, диамбеги перестал считаться важной персоной, а то раньше, о-го! Диамбеги — какая это была значительная личность! Настолько значительная, что сложенную про дворян известную пословицу чуть было не перекроили на диамбеги, говоря: «Принять в гости диамбеги — не шутка!» Что принять в гости диамбеги, действительно, не шуточное дело, это и до сих пор известно каждому крестьянину, в прошлом же было известно даже князьям.

Дареджани не была так ленива, как Луарсаб. В этом отношении, надо отдать справедливость, супруги не походили друг на друга, хотя и были одного поля ягодки. Как только княгиня продирала глаза, сейчас же, как сокол, слетала с тахты, повязывала голову косынкой, а поверх

¹ Административное лицо с судебными правами.

ее—платком, надевала ситцевое платье (иногда, второпях, наизнанку), просовывала босые ноги в чуваки и — «Эри, бичо¹!» — неслась к соломенной избе, где обреталась прислуга, с трехом по полам, скрепя сердце и затаив злобу, влачившая жалкое существование. Удивительна и вместе с тем потешна была бесплодная, никому ненужная суетня нашей княгини. Эта здоровенная, круглая, рыхлая женщина очень часто с утра до вечера была на ногах и, точно клубок, носилась во все стороны. Ни одну минуту не оставалась она без дела: там, смотришь, дала подзатыльник дремлющей над шитьем сопливой девчонке, тутхватила по голове оборванного и вымазавшегося в саже мальчишку, который, зевая, лениво чистил засаленный накануне подсвечник. Здесь она задает головомою, — кому, за что, сама не знает княгиня; там прикрикнет и ругнет, — за что? — И этого тоже не знает княгиня. Словом, облаяв, разнеся и обругав свою челядь, уставшая княгиня в изнеможении возвращалась к себе. Если встречалась по дороге дворовая девка, то и тут, бывало, не утерпит Дареджани, ущипнет ее, и если в настроении, то добавит: «Чтоб тебя громом поразило!» Выбившись из сил, она вкапывалась в комнату, где Луарсаб, похожий на надутый бурдюк, переваливался на тахте, а если была летняя пора, — считал сидевших на потолке мух.

Как-то однажды муж с женой повели весьма примечательный разговор. Дело было в страдную летнюю пору, перед обедом, когда Дареджани, только-что кончив описанный нами очередной обход, с неизменными покрикивания-

¹ Соответствует: «Айда, ребята!» Читается с придыханием вначале („het“)

ми, проклятиями и подзатыльниками, вошла, обливаясь потом, в комнату. Луарсаб взглянул на нее и, увидев ее красное, вспотевшее лицо, с удовлетворением подумал: «Какая прекрасная опора семьи! Что за благодатная женщина! Благодарю тебя, создатель, что ты дал мне такую спутницу жизни!..»

И довольный своей судьбой, признательный богу и человеку князь Луарсаб перевернулся на другой бок, что было признаком испытываемого им удовольствия.

— Где ты была, что так устала, шени чириме¹? — спросил он княгиню.

— Как где, генацвале²? Мало ли дела: дом, усадьба... Нужно за всеми присмотреть, шен генацвале, — ответила княгиня.

— Так, так, моя Дареджани! Вот это называется хорошая хозяйка!

— Конечно же! — самодовольно ответила жена, польщенная его похвалой. — Не всякая умеет доглядеть за прислугой; ведь дворня ничего и не делает кроме того, что ест и пьет.

— Верно, верно!

— Многие не умеют обращаться с нею.

— То-то, что не умеют. Хорошо, если бы умели, конечно!

— Надо иногда и без всякой причины дать прислуге нахлобучку. Если даже выругаешь, будет не худо. Вот я: и ругаю, и покрикиваю, и проклиная, а все зачем? Чтобы внушить страх и уважение, иначе — не дай, бог!..

— Еще бы! Без этого, не дай, бог, что будет.

¹ Буквально: «твой недуг мне», часто употребляемая в обиходе фраза.

² Непереводимая фраза, выражающая ласку.

— Ведь они — мужики. Упрутся, как осел на одном месте, и ты хоть палкой гони, с места не сдвинешь, если заранее не вымуштруешь.

— Конечно, конечно, надо проучить, — поддакнул Луарсаб, все больше удивляясь мудрости своей жены, — а то упрется, как заартачившийся осел.

— Скажи на милость, разве неправда то, что я говорю?

— Как неправда? Сушая правда! Даже сну такой почтенной женщины, как ты, можно поверить, — брякнул Луарсаб, сам не понимая, с чего приплел к разговору этот «сон».

Оба замолчали. Луарсаб уставился глазами в потолок, на котором сидели мухи. Дареджани принялась вязать чулок.

Немного спустя Луарсаб воскликнул:

— Дареджани! А ну, если ты умная женщина, угадай — сколько мух на этой доске?

— Где?

— А вон там, на потолке.

Потешный Луарсаб успел, пока они молчали, сосчитать сидевших на потолке мух, а Дареджани и не подозревала этого.

— Сколько? — переспросила она. — Подожди, дай сосчитать.

— Э-э, так и я угадаю. Нет, ты сразу угадай. Вот это будет дело!

— Сразу? Ну хорошо, — тридцать.

— О-ло-ло шен¹! Вот и не угадала!

— А сколько?

— Сколько? Сказать? Нет, не скажу!

— Ну, скажи, если знаешь!

— Не будь я мужчина, если не сорок. Угадал я?

¹ Выражает то же, что „Держи шарман“...

— Как бы не так, угадал! Вероятно, сосчитал, как прошлый раз. Так и я угадаю...

— Нет, чтоб мне лишиться тебя! Клянусь памятью своего славного отца, я не считал.

— Откуда же ты знаешь, что сорок?

— Откуда? Очень просто! На то у меня и разум.

— А разве у меня нет разума?

— И у тебя есть, но куда женскому уму до мужского! Я на-глазок прикинул, что сорок.

— А если не будет сорока?

— Тогда получай с меня штраф.

— Хорошо, давай считать.

Муж с женой принялись считать: мух оказалось свыше пятидесяти.

— Ну, что, угадал? — сказала Дареджани, торжествуя. — Как бы не так, угадал! Разум, вишь, у моего молодчика, вот он и угадал!..

Луарсаб смутился.

— Улетели, а то их было сорок, — сказал дурачина в свое оправдание. — Не иначе, как улетели...

— Еще лучше, если улетели. Ведь должно было остаться меньше? А там их больше пятидесяти.

Луарсаб опешил. «Экую я сказал глупость!» — подумал он про себя. Чтобы выпутаться, он скрипнул зубами (что его жена называла улыбкой) и промолвил:

— Ах, чорт возьми! Смотри-ка, я и не сообразил этого. А ведь четыре раза считал.

— А как же ты говорил, что не считал?

— Что ты в самом деле? Как я мог угадать, не сосчитав? Я же—не Соломон Мудрый!.. Как же не считал! Ах, чорт возьми! Значит, обсчитался.

а то непременно переспорил бы тебя, душенька? Клянусь богом, переспорил бы, — сказал обескураженный Луарсаб и, став сразу шелковым, начал заигрывать со своей супругой, на этот раз победившей его.

— Как же ты уверял, что не считал! Ах ты, бесенок! — подхватила Дареджани, улыбаясь.

— Ну, я же сознался, шени чириме! Чего тебе еще надо?

— Жизни и счастья тебе, милашка! Чего еще я могу желать?

— Дареджани! — сказал Луарсаб, смущаясь и огорченный: — Дареджани! Если любишь, не называй меня милашкой.

— Почему же, генацвале, почему?

— Не подходит это к такому человеку, как я. Ведь так называют щенков. Это же собачья кличка. Разве подобает она человеку?

— Но ведь ты же мой песик? Или уже нет? Это я слышу от тебя впервые, — сказала, всхлипывая, Дареджани, вообразив, что, раз муж отказывается быть ее собачкой, значит, он остыл к ней.

Луарсаб понял, что огорчил ее, к тому же совершенно зря, и, чтобы рассеять возникшее у нее подозрение, сказал, снова скрипнув зубами:

— Ну, конечно, генацвале, конечно, я твоя собачка! А то что же я? «Ну, и красноречива же она у меня, — подумал он. — Как искусно, точно стихотворец, сложила она про «собачку». Что за язык у нее! Здорово смастерила».

Ему тоже хотелось придумать какую-нибудь подобную ласковую кличку, но обычно в такие трудные минуты в голову лезли севрюжья тейшка, балык, артала с чесноком или что-нибудь в этом

¹ Суп.

роде. А как ими выразишь ласку? Тем не менее Луарсабу на этот раз удалось блеснуть витиеватостью речи.

— А знаешь, что ты для меня?.. Ты... сельдерей моей души... Ты... эстрагон сердца... Ты для меня... Ну, что тебе еще сказать? Ну... соль, что ли? Каково сказано? Ловко я сочинил?.. — сказал он и скрипнул зубами, выражая этим удовольствие по поводу своего красноречия. Осталась довольна и Дареджани.

Часто проводила время таким образом эта супружеская чета.

Вот счастливы! Неправда ли, читатель?

III

Луарсаб тоже умел, как он сам выражался, «задавать остротку» дворовым людям. Правда, он был несколько с ленцой и тяжел на под'ем, но ведь огромное имение требовало внимания и забот. Именно это и вынуждало его вскакивать иногда с постели, и нужно было видеть, какую красивую картину представлял в таких случаях наш Луарсаб: босой, в одном исподнем белье из красной материи, в папахе из калмыцкой мерлушки, с расстегнутым воротом, брюхастый, с чубуком в руке подкатывался он к перилам и заспанным голосом звал с балкона своего управляющего Дато:

— Дато! Ну что, принес с базара мясо? (В этом селе имелся и базар.)

— Да, шени чириме!

— На шашлык?

— Да, шени чириме, раздобыл вырезку!

«Золотой человек!» — с удовлетворением думал благодарный помещик, а затем, снова обращаясь к Дато, продолжал:

— Молодчина ты у меня. Если люди забудут, то бог не забудет твоей преданности барину. Молодец, Дато! Ты — моя правая рука: крепкая, верная рука!

Дато, слыша такую похвалу, обыкновенно почесывал затылок и принужденно улыбался.

— А садовник¹ принес зелени? — продолжал расспросы барин.

— Принес!

— Тархун² есть?

— Есть!

— А огурцы?

— И огурцы есть!

Луарсабу становилось приятно. Будь поблизости тахта, он перевернулся бы два-три раза с боку на бок.

— Значит, всего вдоволь? — произнес Луарсаб.

— У вас и не было никогда недостатка. Слава тебе, господи, дом — полная чаша.

— Так, так, мой Дато! Верный и преданный крепостной должен всюду хвалить господский дом. Молодчина ты! Если даже будет нужда, нужно говорить, что дом полон добра. Ты — человек опытный, все это тебе известно.

— Как не знать, шени чириме! Сколько ведь лет служу тебе.

— Теперь скажи мне, пожалуйста, — сказал, немного погодя, заботливый хозяин, — отправил арбы?

— Отправил, шени чириме. Вероятно, они уже выезжают за село.

— Куда ты отправил?

— В поле, батоно.

¹ Столовая зелень засеивалась в садах.

² Эстрагон.

— Сколько?
— Четыре на барщину и десять оброчных.
— Почему не пятнадцать оброчных?
— Сроду не запрягали пятнадцати, откуда же им взяться сегодня?
— Пятнадцать должно было быть! Почему их нет? Знать не знаю, должно было быть пятнадцать! Как можно так! Что же, выходит, не хотят обслуживать барский дом? Или я уже не помещик им?.. Слышанное ли дело? Должно было быть пятнадцать. Я им покажу, что я—барин, а они—крепостные!..

На самом деле, Луарсаб никогда не получал в оброк больше десяти ароб, и непонятно было, почему он так немилосердно гневался. Дато тоже не понимал причины гнева, удивленно уставился на бари́на и думал — уж не сошел ли тот с ума? Луарсабу—да сойти с ума? Как бы не так. А если он и сердился попусту, на то у него были свои основания. Он, так же как и его дражайшая княгиня, носился умением держать в руках дворню и управлять крепостными.

— Вот как должен обращаться помещик с крепостными, — говорил мудрый князь, — надо, чтобы они постоянно чувствовали страх, а то, не дай, бог: посади вошь себе на ногу, она заползет тебе на голову. Да, да! Не иначе! Страх рождает любовь.

Еще бы, мой Луарсаб, еще бы!

Но этот счастливец и не подозревал того, что у крестьян по поводу этих безосновательных и взбалмошных вспышек имеются совершенно другие суждения и заключения! Эх, что там ни говори, читатель, а эта супружеская чета воображала, что раз желудок у них сыт, то они обладают также и умением управлять крепостными.

Подобную благоглупость наш бесхитростный

князь называл «острасткой», будучи уверен в том, что эти «острастки» столь же необходимы в господском доме, как пища и питье человеку. Поэтому, входя в комнату, он в таких случаях обыкновенно самодовольно говорил жене:

— Наконец-то удалось отправить арбы, (наш Луарсаб любил и приврать).—Наконец-то! Что за проклятое создание—крестьянин! Ты понимаешь? Пока не станешь над головой и не ругнешь его как следует, он и пальцем не поведет. Статочное ли дело! Не будь меня, весь хлеб сгнил бы у нас на полях.

— Так, так, шени чириме, — одобряла Дареджани, еще больше укрепляя его в самомнении, — так и следует. С тех пор, как Ева соблазнила Адама, богом положено, чтобы мы в поте лица своего ели свой хлеб.

— Но ведь это сказано не про князей? Это сказано про крестьян, только про крестьян,—ответил Луарсаб.

— Но тогда еще и не было князей.

— Как не было? Были! Ведь наш род ведет свое начало с того времени.

— Ну, что ты, в самом деле? Говоришь так, точно ничего не знаешь. Ведь в ту пору кроме Адама и Евы никого и не было. Не мог же Адам быть владыкой над самим собой.

— Действительно! Я и не сообразил этого!.. А скажи на милость, что это было за дерево, плоды которого она украла?

— Древо познания добра и зла.

— А теперь уже нет такого дерева?

— Как нет! Говорят, у русского царя в саду есть золотая комната. В ней и растет оно. Оказывается, листья на нем сплошь яхонтовые.

— Вероятно, изумрудные? — поправил Луарсаб.

— Да, верно, изумрудные, я и забыла. Ведь изумруд зеленого цвета, как листья. Конечно, изумрудные. Вместо плодов все дерево обвешано яхонтами и алмазами.

— Хоть бы отведать! Вот, должно быть, вкусно!

— Так тебя и подпустили! Говорят, его охраняет войско, бесчисленное, как морской песок.

— А как же турецкому султану удалось заполучить?

— А вот как! Была одна фея. Эта фея обернулась орлом, прокралась в сад, сорвала громадный алмаз, проглотила и скорей назад!

— Так-таки взяла? Вот хитрая!

— Да, представь себе, взяла. А потом вошла царица; видит — нехватает крупного алмаза, сейчас же сообщила русскому царю. Русский же царь мигом сообразил, что это дело рук турецкого султана и объявил ему войну. Эта война и до сих пор еще не кончилась.

— Так, значит, и сошло с рук турецкому султану?

— Бог его знает, война ведь еще не окончена.

— Жаль, что не я его украл...

— Так ведь повесили бы тебя...

— А они не узнали бы. Проглотил бы, и все тут! Живот, что ли, разрезали бы мне?

— Не только живот бы разрезали, а еще и похуже бы поступили.

— Откуда же они узнали бы, что я взял?

— Подумаешь, не нашли бы гадалок, что ли, чтоб они погадали?

— Правда, об этом я и не подумал. А вот ты скажи: куда девался тот алмаз, который проглотил Адам?

— Царь каких-то островов нашел его в море и хранит у себя.

— Ну, где же справедливость? Не лучше ли было бы мне его найти? Вот была бы благодать!

— Кто бы оставил его тебе? Говорят, из-за алмаза какой-то западный или восточный царь уже двести лет ведет борьбу с царем островов.

— И до сих пор не отнял?

— Нет.

— Ай-ай-ай... Видно, и у того сила немаленькая!

— Еще бы! Где же слыхано—царь, да чтоб без силы?

— Жил бы теперь царь Ираклий¹, уж он бы отнял! Говорят, большой был богатырь.

— Тот, конечно, отнял бы, да где же, нет его.

— Не грех ли в самом деле? Он истлевет в земле, а твой деверь Давид благоденствует.

— Это бы еще ничего. Вот где превратность судьбы: царица Тамара в сырой земле, а твоя невестка Елисабеди наслаждается солнцем.

— Ничего не поделаешь, вероломна судьба, — поддакнул Луарсаб и так тяжело вздохнул, что мог бы потушить свечу.

По утрам Луарсаб и его супруга княгиня Дареджани, как только освобождалась от тех милых хозяйственных забот, образец которых мы привели выше, садились пить чай и изрядно накачивали себя «теплой водой», как выражаются наши крестьяне. Спустя немного, после одной-двух немаловажных бесед, хотя бы подобных тем, о которых мы говорили, наступало вре-

¹ Подразумевается грузинский царь Ираклий II

двор, княгиня Дареджани приказывала прислуге разостлать где-нибудь поукромнее в тени, облезлый ковер и садилась, как кокетливая, расфуфыренная новобрачная в лечаки¹, с подправленными бровями. Сюда же спускался с балкона Луарсаб, со своей неизменной трубкой. В красной исподней рубашке, лихо заломленной синей мерлушковой шапке и в шлепанцах на босу ногу, он с важной осанкой расхаживал в тени взад и вперед.

Вечерний час, как известно, в наших селах, а в особенности в Кахетии, — час визитов. С тех пор, как ввели у нас проклятое образование, этот похвальный старинный обычай стал понемногу вытесняться: наши лошенные господа делают визиты уже по утрам, раньше же вечерняя пора была в большом почете. Поэтому — то принаряджалась Дареджани по вечерам и даже — извините за выражение — подкладывала себе турнюр. В те времена, к которым относится эта повесть, кринолина еще не было, да если бы он и был, кто бы занес в те деревушки эту царицу юбок? Все прекрасно знают, что просвещение движется медленной поступью, у нас же оно прямо-таки плетется. Поэтому, как могло оно так быстро занести в эту деревню прославленную «хабарду»²?

По правде говоря, просвещенному кринолину в иных селах было бы даже трудно протиснуться между изгоролями, если бы он и добрался до них.

— Да продлит бог тебе дни, барыня, — произнесла молодая, хорошо сложенная крестьянка,

¹ Женский головной убор, состоящий из вуалевой ткани.

² «Хабарда» в буквальном смысле: «берегись», «осторожись», так назывался в Грузии в обиходе кринолин.

кокетливо поджимая губы и играя длинными кавеби¹.

— Спасибо, моя Бабале! — приветствовала в свою очередь Дареджани, но так, чтобы при этом нисколько не уронить своего княжеского достоинства. — Что поделываешь, хорошо ли живется?

— Где уж хорошо, шен генацвале! Наш буйвол забрел в ваш виноградник, садовники поймали его и вот уже два дня держат взаперти. Шени чириме, барыня, прошу, молю вас, как куму, заступитесь за нас!

— Что же? Хочешь, чтоб отпустили?

— Да, шени чириме, заклинаю вас вашим счастьем.

— Как же можно, моя Бабале? Правда, я крестила у вас, но ведь вся деревня загалдит об этом: не оберешься потом разговоров.

— Да продлит господь жизнь нашему бари-ну! Как угодно, буду вам служить. Вот и теперь принесла вам моток шелковых ниток. Если божья и ваша милость поможет нам, то и впредь будем вашими рабами.

При этих словах Бабале достала из кармана целую пряжу шелковых ниток и подала княгине. Княгиня приняла подношение, подложила его под себя, потом добавила:

— К чему это? Разве я и без этого не похлопотала бы за тебя? Луарсаб, Луарсаб! — позвала она мужа, который прогуливался неподалеку и раза два жадно и похотливо оглядел смазливую крестьянку.

Он подошел.

¹ Локоны, выступающие из-под лечаки.

— Послушай, садовники поймали буйвола Бабале, и она просит выпустить его.

Луарсаб взглянул на молодую женщину, которая, как того требовал обычай, отвернула лицо, потом скрипнул зубами в знак удовольствия и изобразил нечто в роде обольстительной улыбки.

— Буйвола, говоришь?

— Да, буйвола! — поспешила ответить Дареджани и добавила: — Вот она поднесла нам моток шелковых ниток.

— Ну, хорошо! Дато! Бичо! Дато! — закричал Луарсаб: — Поди скажи, чтоб сейчас же освободили буйвола моей кумы, не то разнесу всех в пух и прах!

Сказав это, еще раз скрипнул зубами и с победоносным видом продолжал прогулку.

— Да даст вам бог еще больше славы и почета! Да осчастливит вас господь сыном, и чтоб кормить его мне своей грудью! Шени чириме, шени, мои добрые господин и госпожа!

— Видишь, — сказала Дареджани, когда Луарсаб отошел от них, — видишь, какую острastку задал он им? Всех вверх дном поставил.

— Это потому, шен генацвале, что власть у него большая.

— Конечно! Но и слава за ним большая по всей деревне. Взять хотя бы моего деверя Давида: никто ведь его за человека и не считает.

— Что вы, батано? Куда им сравниться с вами! Елисабеди тоже как-будто княгича, но где ей дотянуться до вас!

— А поди-ка, поговори с ней. Она воображает, что знатнее ее никого и нет.

— Да провались она! Вчера я была у сосе-

дей. Туда же пришла дворовая девка вашего деверя. Вы бы послушали, какие вещи она рассказывала про своих господ.

— А что, что именно? — нетерпеливо спросила Дареджани.

— А вот что! Оказывается, бедная девушка купила на свои трудовые деньги шелковый платок. А барыня, как увидела, тотчас забрала его себе и теперь носит сама. Сердце надрывается, глядя, как плачет несчастная. Я ведь и праха ваших ног не стою, но и то побрезговала бы поступить так, клянусь памятью своего отца!

— Уй-уй! Ну, посмотрите же на эту окаянную! Как же после всего этого она смеет называть себя княгиней? Отнять — это, конечно, пустяки. На то и барская воля: и девка и платок — оба мои. Но повязать себе голову платком дворовой девки — вот где стыд и срам! Ах, чтоб ее громом поразило! А еще в княгини лезет. Больше ничего не говорила девка?

— Нет, больше ничего.

— Не скрывай от меня, моя Бабале! Ты же знаешь, что я—твоя покровительница. Скажи, если что-нибудь еще было говорено.

— Ничего не было, клянусь прахом своего отца. Иначе чего бы я стала скрывать?

— Бог знает. Думаю, может, боишься?

— Чего же бояться, когда имеешь такую благодетельницу и защитницу?

— Вот и я хотела тоже сказать, моя Бабале!

— Правда, мы — крестьяне, но и мы это понимаем. Кого же мне бояться, имея вас за спиной?

— Так-таки ничего не говорила?

— **Ничего.**

— Уж, верно, что-нибудь да сказала.

— Клянусь своим единственным сыном, ничего больше не говорила.

— Да, кстати, как твой ребенок? — спросила Дареджани, не добившись цели.

— Эх, и не спрашивай, барыня. Чтоб врагу вашему было так худо, как ему плохо! Чего только я ни делала с ним: и в травах купала, и к знахарке на заговор водила, и ладанки вешала ему на шею, но ничего не помогло, чтоб ничего не помогло и твоему недругу! И вот указали, на вас, будто вы знаете верный заговор. Помогите чем-нибудь, да вознаградит вас господь!

— Я знаю заклинание только против головной боли и отравления. Разве у твоего ребенка головная боль?

— Да, клянусь вашей жизнью, такая боль, что разрывает ему голову.

— Послушай, Ламазисэули¹, — крикнула княгиня служанку, — принеси мне чернильницу, ручку и лоскут бумаги, который лежит под войлоком на тахте. Я напишу тебе заклинание, моя Бабале. Приложи бумагу написанной стороной к тому месту, где болит, и если это головная боль, то в два-три дня, как рукой снимет.

Ну, скажите на милость, читатель! Я воображал, что Дареджани совершенно неграмотная женщина, а она, смотрите пожалуйста, сколько чего знает! То-то ее невестка Елисабеди, о которой мы уже дважды упомянули, втихомолку распространяла молву, будто Дареджани занимается колдовством, будто она читала книгу Соломона Мудрого, а потому бог разгневался на нее и наказал бесплодием. Но как я могу пове-

¹ Происходит от слова «ламази» — красивый, милый, пригожий. „Ламазисэули“ — принадлежит красивому.

рить такому поклепу? Елисабеди же из сил выбивалась, клялась и божилась всеми святыми, что это так. А все-таки не поверю. Как вам известно из нашей благословенной жизни, невестка невестке—враг. Такие ли еще сплетни сочиняла Елисабеди про Дареджани?..

В это время собака, которая лежала тут же, уткнувшись носом в землю, залаяла, но, открыв глаза и узнав двух приближавшихся женщин, замолчала и снова улеглась, ворча. Дареджани оглянулась на шум и увидела княгиню Елисабеди, в сопровождении дворовой девки, пострадавшей от ее захватничества и все еще удрученной утратой шелкового платка.

Дареджани вскочила с места.

— Пожалуйте, пожалуйста, моя невестка! — сказала она, встречая Елисабеди. — Наконец-то вы вспомнили нас.

— Клянусь вашей жизнью, все недосуг. То—го, то—се: дом, усадьба, имение; сами изволите знать...

— Пожалуйте сюда, здесь прохладнее, — пригласила Дареджани.

— Все равно, — сказала Елисабеди, сняла с ног чувяки, ступила на ковер и уселась рядом с Дареджани.

— Как изволите здравствовать, моя невестка? Как изволит здравствовать мой деверь Давид? — начала Дареджани.

— Спасибо, здоров! — ответила Елисабеди.

— Изволит быть дома?

— Что вы? Как можно в такую страдную пору, когда надо снимать урожай, сидеть дома человеку, владеющему имением? Уже два дня, как он в поле, — многозначительно сказала Елисабеди и невольно взглянула на Луарсаба, кото-

рый продолжал расхаживать взад и вперед и которому были решительно ни почем и урожай, и имение.

Дареджани обиделась. Ей показалось, что Елисабеди кидает камень в огород Луарсаба.

— Спору нет, у кого нет людей, которым можно поручить присмотр за хозяйством, и кто с детства воспитан так, что ему не вредит ни солнце, ни зной, тот, разумеется, не станет сидеть дома. Но мой Луарсаб не может этого делать.

— Да ведь я не к тому сказала, — поспешно воскликнула Елисабеди.

— И я не к тому сказала, — подхватила Дареджани, — я хотела сказать лишь, что моему Луарсабу пока еще далеко до такой нужды, чтобы превращаться в крестьянина.

— Превратиться в крестьянина? Что вы, помилуйте, моя невестка! Нет, клянусь вами! Разве при уборке урожая в поле едет только тот, кто нуждается и кто поневоле должен превратиться в крестьянина и обливаться потом за работой в поле вместе с оброчными крестьянами, вроде какого-нибудь поденщика? Что вы, господь с вами! Взять к примеру хотя бы вашего деверя. Разве он крестьянин, или хочет заделаться крестьянином, раз он на ниве? Нисколько, клянусь вашей жизнью! Люди там жнут, а он, как подобает достойному князю, охотится с соколом на руке. Вчера вечером он прислал целую сумку перепелов с мальчиком, который носит пищу на поле. Что предосудительного в охоте, шени чириме? Цари и те охотятся, почему же для него это должно быть унизительно?

— Нет, моя невестка, клянусь вашей жизнью, я не имела в виду своего деверя. Ведь он

брат Луарсаба, одной с ним плоти и крови. Разве я не знаю, что он не станет набивать себе на руках мозоли серпом или жариться на солнце-пеке? Разве я не знаю, что князь чистой крови не выдержит этого? Да и не подобает, говоря по правде. Князь должен быть похож на князя, а крестьянин — на крестьянина!

— Сушая правда, клянусь вашей жизнью!

— И как же иначе? Кто может уравнивать горю с низменностью?

— Никто, клянусь вашей жизнью! Кто может пойти против божьего веления?

Тут Дареджани услышала шаги, оглянулась и увидела свою служанку Ламазисэули, которая несла лоскуток бумаги и пузырек с отломанным горлышком, заменявший собой чернильницу.

— Где ты пропадала до сих пор? Она уже ушла, — напустилась Дареджани.

— Она еще здесь, в избе, — ответила служанка.

— Ну, хорошо, — сказала Дареджани, положила бумагу на колени и стала писать заклинание против головной боли. В это время подошел Луарсаб, в шароварах и архалухе. Приветствовав любезно свою невестку, он развалился на зеленой траве, возле ковра, и, дав отдых трубке на своем почтенном брюхе, стал смотреть в небесную высь...

Восхитительную картину представляло это общество. Постараюсь описать его, насколько сумею. Начну с дворовой девки.

Потешна была эта Ламазисэули: безобразно толстая, приземистая, грязная. На ней — грубое ситцевое платье, настолько грязное, что невозможно было определить его цвет. Подол в разных местах обгорел, так как Ламазисэули зимой

постоянно валялась близко у огня; обтрепанные же полы были в прорехах, в которые виднелись куски какого-то прогнившего одеяла, свисавшего под платьем наподобие нижней юбки. Ах, чтоб тебя прохватило насквозь! Скажите, пожалуйста! И ей захотелось иметь юбку! Голова ее была повязана рваным пестрым шелковым платком (обноски барыни), сквозь дыры которого торчали ключья сваленных, как шерсть, давно уже нечесанных и — извините за выражение — вшивых волос. Черные, как обугленные полена, ноги с потрескавшимися пятками, руки, темно-коричневые от кожицы незрелых орехов, вымазанное лицо, — таково было то существо, которое Дареджани называла «Ламазисэули», и которое, скрестив руки, стояло у облезлого ковра.

На ковре важно и чинно восседали две благородные и почтенные дамы, — как я уже докладывал, — две княгини, но совершенно непохожие друг на друга. Одна — тучная, упитанная, краснощекая, другая — худощавая и бледная. Тучная пишет, склонив голову, худощавая же зорко следит за движением ее руки: авось, как-нибудь удастся узнать, о чем она пишет. Иногда она подмигивает Ламазисэули и кивает ей головой: о ком, мол, было сказано «Она уже ушла»? Ламазисэули со своего места отвечает знаками, но Елисабеди никак не может их отгадать. Тогда служанка прикрывает лицо рукой и отворачивается, точно ей смешно, что Елисабеди силится, но не может понять, и в то же время неловко смеяться в присутствии невестки барыни.

Лежа на спине тут же, около ковра, на травке, мерно сопит наш Луарсаб. Он дымит своей трубкой и, не закрывая глаз до тех пор, пока не навернутся слезы, пристально следит за

Э. И. Чавчавадзе.

табачным дымом, не долетит ли дымок до облаков? По эту сторону изгороди, попрежнему уткнувшись носом в землю и в изнеможении закрыв глаза, лежит знакомый нам старый пес. При всяком шуме он медленно открывает глаза и возмущенно рычит, точно сердясь, что нарушают его сон. Посадаль стоит старый, грязный самовар. Возле него на коленях возится мальчишка, еще более неопрятный и оборванный, чем Ламазисэули, и изо всех сил раздувает самовар. Иногда он кидает туда, где, нежась и покаясь, лежит собака, такие взгляды, словно завидует ее собачьему благополучию и хочет сказать: «Как я завидую тому, что ты собака! Хоть бы и я был собакой!»

Эта мерзкая картина мерзкой жизни как-то нелено сочеталась с величавым южным небом, с его блещущим, уходящим вдаль горизонтом, где непрерывной лентой извивались синеватые горы.

Дареджани кончила писать и отдала записку прислуге, прибавив: «Как я сказала, пусть так и поступит». Затем обратилась к Елисабеди и начала заниматься ее разговором. Луарсаб попрежнему находится в мечтаниях, попыхивая трубкой.

— Какой у вас нынче урожай хлеба?—спросила Дареджани у невестки.

— Клянусь вашей жизнью, — меньше прошлогоднего. Ваш деверь рассчитывает получить не больше тридцати ароб, — похвасталась Елисабеди.

— Это, батано, хороший урожай. Тридцать ароб — нешуточное дело. Мы ожидаем столько же, но мы запахали вдвое больше вас, — приврала в свою очередь Дареджани.

— Что вы изволите говорить, моя невестка? Каким образом у вас могло быть больше? В этом году у нас была громадная запашка.

— Как могло быть?.. Ведь мы еще в середине июня приступили к запашке, а вы и в сентябре не начинали.

— Нет, клянусь вашей жизнью, мы раньше вашего вспахали. Большие участки взяли мы под пашню.

— Да вот, батоно, спросите хоть у Луарсаба. Он мужчина. Ему лучше знать. Луарсаб! — окликнула Дареджани мужа.

— Ну, что? — спросил тот, с трудом поворачивая толстую, короткую шею.

— Твоя невестка говорит, что мы в этом году запашали меньше, чем они.

— Ну, что вы, моя невестка? Нынче у меня пашни были вчетверо больше, чем у вас, — поспешно ответил Луарсаб, не упуская случая пустить пыль в глаза. — Что вы, в самом деле? Такого большого урожая, как у меня, во всей Кахетии у двух помещиков не найти, да и в Карталинии немногие соберут столько. Вот увидите, такие скирды поставлю у себя на гумне, такую громадину, что... что... Ну, как вам сказать... в двенадцать раз больше, чем этот дом. Да! Клянусь вам своей головой! Пашня у меня — просто заглядение. Или вот мой прошлогодний виноградный сбор! Никто не получил столько вина, сколько я. А уж в Карталинии — и четверти того не было. А то как же! Если это неверно, на какие же средства я живу по-царски? На какие? Не стану же я, как Леван, посылать арбы на извоз и позорить свою княжескую кровь? Я же не армянин, я человек достойной семьи и знатного рода.

Луарсаб хотел еще добавить что-то, но Елисабели прервала его.

— В самом деле, дорогой деверь, правда ли, что Леван отдает свои арбы под извоз?

— Конечно, правда! Этаким бесстыдник, позорит свой род!

— Говорят, и Николай этим занимается, — сказала Дареджани.

— Конечно, — ответил Луарсаб.

— Фу, срам какой, — возмутилась Елисабели, — нечего сказать, хорошая честь для их рода!

— Обиднее всего, что он князь! — с сокрушением добавила Дареджани.

— В том-то и беда, что он князь, — сердито произнес Луарсаб. — Не будь он князь, — чорт с ним! Был бы он крестьянин, или армянин, — еще бы ничего. Но то и убивает меня, что он князь. Как испоганился народ! Дожил я до того, что князь стал промышлять извозом.

— Да еще сын почтенных родителей! — вскричала Дареджани.

— Вот, вот, — подхватил Луарсаб.

— Как может человек так ронять свое достоинство? — не преминула вставить Дареджани.

— Ну, как после этого отличить крестьянина от князя? И крестьянин посылает арбы для извоза, и князь. И тот живет на деньги, вырученные извозом, и этот. Как прикажете различить их друг от друга? — спросил Луарсаб.

— Никак, клянусь вашей жизнью! — подтвердила невестка.

— Уж подлинно, что никак, — заверила жена.

— Если б я умирал с голоду, да, с голоду, и если б у меня было даже сто запряжек, я и тогда не унижился бы до этого. А ты, милая невестка?

— Уй, пусть лучше мне исчезнуть с лица земли! Я бы не только не унизилась до этого, а скорее наложила бы на себя руки. Будь проклят недостаток, полученный извозом! Разве это княжеское дело?

— А ты, Дареджани? — обратился затем к жене пытливый князь.

— И я бы так поступила, — подтвердила Дареджани.

— Ну, и я в таком случае, — сказал Луарсаб с таким видом, точно мнение этих трех людей решило судьбу трех стран. — Нет, моя невестка, очень изменились нынче времена, — продолжал он, — развратился народ, испортилась кровь. Скажите, пожалуйста, какому князю пришло бы в голову в наше время унизить себя и заниматься извозом? Ведь его забросали бы камнями. На всю жизнь покрыл бы себя позором. А теперь? Превратились в виноторговцев, будь они прокляты! О, господи!.. Отчего не смоет их потоп с лица земли! Превратились в армян, в настоящих армян! Нехватает еще, чтобы они взяли подмышку аршин, ходили по деревням и кричали: «Мелкий товар!»

— И до этого дойдет, — сказала Елисабеди. — Мне-то, конечно, не дай бог дожить до этих дней!

— Дойдет, клянусь своей головой, — горестно сказал Луарсаб. — Батоно, нет уж прежней благородной крови, осквернилась, испортилась она.

— Уж, подлинно, осквернилась, — добавила Дареджани.

— Вот например что сделала вчера жена Захария! — начала Елисабеди, любившая посудачить. — Знаете, что она сделала? Дворовый че-

ловек рассердил ее... Жена Захария ведь зло-
щая...

— Да еще какая! Ужасная злока, — поддакнула Дареджани.

— Так вот, — продолжала Елисабеди, — погналась она за ним, сняла с себя туфлю или там чуяк, что ли, и избила его до потери сознания.

— Нет, в самом деле? — спросил удивленный Луарсаб.

— Клянусь вашей жизнью!

— Что я слышу? Может быть, маленького мальчика побила?

— В том-то и дело, что нет! Будь это мальчик, оно бы ничего. Я и сама задаю им трепку, — сказала Елисабеди.

— И я, клянусь вами, — вставила Дареджани — что девочка, что мальчик дворовый — все одно. Как нет ничего предосудительного в том, что барыня колотит дворовую девку, так ровно ничего не значит, если она бьет мальчика.

— Ну, конечно, — прервала ее Елисабеди, — кто станет порицать за то, что бьешь дворового мальчика? Но, как я вам сказала, это был взрослый мужчина. На что это похоже, чтобы женщина била мужчину?

— Господи, боже мой! — произнес Луарсаб, крестясь, — что я слышу? Что я слышу? До того распустилась женщина, что поднимает руку на мужчину? Бить, конечно, ничего. Кто может за это осудить барина? На то я и барин, — захочу — побью, захочу — помилую. Но мужчину может бить только мужчина, а никак не женщина. Где это слыхано? Нигде! На то у нее есть дворовая девка, — бей, сколько душе угодно.

Но мужичину!.. Господи, спаси меня от мирского греха!..

— Это еще ничего... — начала было Елисабеди, собираясь продолжать сплетничать, но в это время подали чай.

— Не забудьте, что вы хотели сказать, моя невестка, — сказала ей Дареджани. — Возьмите чаю.

— Берите, берите вы, все равно, — ответила Елисабеди и схватила стакан.

Отпив несколько глотков, она продолжала прерванную речь.

— О чем я говорила? Да! Знаете, что сделал этот пакостник Николай? Оказывается, стал увиваться за своей дворовой девкой. Как-то, темным вечером... — тут Елисабеди что-то шепнула Дареджани на ухо, — ...дворовые люди подглядели и сообщили барыне. Та, несчастная, пришла и упала в обморок...

— Неужели?

— Чтоб не дожить мне до вашей смерти, — живо солгала Елисабеди и, как-будто скорбя за жену Николая, добавила: — мне эту несчастную жаль, а то Николай пусть хоть голову себе разобьет.

— Ну, и времена! До чего мы дожили, шени чириме, — искренне возмущаясь, сказал Луарсаб. — Настоящее светопреставление! Посудите сами: женщина не походит на женщину, мужичина — на мужчину. Недаром появляются эти хвостатые звезды. Видно, разразится гнев божий. Неслыханное и невиданное дело, чтобы женщина была мужчиною или чтобы муж так явно озорничал. Всякий стыд потеряли люди, а мы смотрим, точно онемели.

— Сделай этот греховодник как-нибудь вти-

жомолку, оно бы ничего, — сказала Дареджани.

— Да, кто бы осудил, случись это втихомолку? — прервал ее Луарсаб. — Разве и прежде не бывало таких историй? Разве в старину были не живые люди, а бесплотные духи? Но раньше все это делалось шито-крыто... Так обставляли, что ни одна живая душа не могла узнать. Сколько таких историй происходило и в старину! А знаем ли хоть про одну из них? В старину все делалось тайком, с оглядкой, потому что умели держать язык за зубами. А теперь, батон, никого и ничего не боятся. Всякий стыд потеряли. Испортился свет!

— Это, безусловно, признаки второго пришествия, — добавила Дареджани.

— Поистине, — со вздохом подтвердила Елисабеди. — А вот что я еще узнала. Отпустите-ка прислугу, чтобы она не мешала.

Прислугу удалили. Елисабеди посмотрела кругом, убедилась, что никого нет, и придвинулась к Луарсабу. Луарсаб наострил уши.

Елисабеди начала тихим голосом:

— Вы помните, что недавно появилась хвостатая звезда?

— Да, да! — в один голос ответили муж и жена.

— На-днях, говорят, дракон погнался за солнцем. Это тоже, вероятно, слышали?

— Как же, как же, слышали! — одновременно вскричали взбудораженные супруги.

— По поводу дракона и хвостатой звезды армянские тертеры¹ заглянули в свой Карабадин² и говорят, что... — тут Елисабеди понизила голос, — что у князей отберут крепостных.

¹ Священники.

² Народный лечебник и астрологический справочник.

— О, горе тебе, Луарсаб! — вскрикнул побледневший Луарсаб, — что ты сказала, Елисабеди? Я же говорю, батону, что скоро конец свету. Вот она — божья кара! И все за наши грехи! Клянусь прахом своего отца Заала, — пойду и изобью и жену Захария, и Левана, и этого проклятого Николая; все это ведь по их милости. Пусть-ка еще попробуют заниматься извозом!

— Чего ты разволновался, шен генацвале? — обратилась к Луарсабу жена, — как можно верить армянскому Карабадину? Разве не помнишь, что еще в позапрошлом году говорили, будто земной шар стоит на бычьих рогах, и что один рог отломался, и мир скоро опрокинется? А вышло — неправда: гареджинская ворожея сказала, что никакой рог не отламывался и ничего такого не было.

— Верно! Об этом я и позабыл! — сказал Луарсаб, успокаиваясь. — Это, должно быть, сплетня. Ну, скажите на милость, кто из-за толкований армянского Карабадина отнимет у меня пожалованное царем Ираклием? Помимо того, какие же мы князья, если не будет у нас крепостных? Не только Карабадин, но и книге самого Соломона Мудрого я не поверю. Да и как можно верить?

— Конечно, нельзя верить, но этот слух ходит среди крестьянства. А это уже плохо, клянусь вашей жизнью, — сказала Елисабеди.

— Ходит слух? Подумаешь, лишат меня княжеского достоинства! А в прошлом году разве не болтали, что на том свете господа превратятся в крепостных, а крепостные в господ! Но, благодарение богу, и там все, как у нас: барин

остается барином, а крепостной—крепостным. Рассказывают, что английский король сбросил с того света французскому королю письмо: «Не бойся, мол, и я, и мои придворные здесь в гораздо большем почете, нежели там. Не верь, дескать, тому, что болтают».

— Разумеется, так и будет: крепостное право установлено богом, с какой стати сам же бог станет его отменять? Велик он своей милостью, хвала и благодарение ему!—заметила Дареджани.

— «Воздадите кесарево кесарю, а божье — богу», сказано в евангелии. Кесари же — это мы! — прибавила Елисабеди.

— Совершенно правильно изволили сказать, моя невестка, — отозвалась Дареджани, — кто может преить евангельское слово?

— Никто! Клянусь вашей жизнью! — подтвердила Елисабеди и встала, собираясь уходить домой. — Счастливо оставаться!

— До свиданья, моя невестка! На всякий случай пустите молву среди дворовых людей, что все это—вранье,—посоветовал ей Луарсаб.

— Будет неплохо, если и вы сделаете то же. Известное дело, крестьяне, — легко верят и правде, и выдумкам. До свидания! — попрощалась Елисабеди и направилась домой. За ней уныло следовала дворовая девка.

— Господи, боже мой! Ну, и сплетница!.. Как она злоязычна, — сказала Дареджани мужу про Елисабеди.

— Что это она выдумала, будто отберут крепостных? — поддакнул ей в тон Луарсаб.

— А ты сейчас и поверил?

— Да ведь говорит, что так сказано в Карабадине. Ну, как тут не поверить? Признаться, я

совершенно забыл, что гареджинская гадалка не раз опровергала армянский Карабадин.

— А где у тебя был рассудок?

— Эх, милая моя! Рассудок-то со мной, да я не вспомнил. Если бы я мог держать в памяти все, что слышал, чего мне больше? Был бы я тогда Соломоном Мудрым. Да и помимо всего этого, мало ли на свете бесовских наводнений? Может, и это тоже от них? Чего не случилось в этом грешном мире из-за наших грехов! Все может быть. Но, говорят: «Бережного и бог бережет». Пустим слух, что все это враки.

— Разумеется, будет неплохо. Убудет нас от этого, что ли?

— Нисколько, клянусь тобой! Я сейчас же позову Дато и, скажу ему. Дато, Дато! — крикнул Луарсаб.

— Я, батано! — послышался откуда-то издали голос Дато. — Сейчас, батано!

Спустя немного явился Дато и спросил:

— Что прикажете?

— А вот что: все это—вранье, будто у нас отберут крепостных. Слышишь или нет? Так и скажи всем, что это — вранье. Царь издал указ повесить всякого, кто скажет, что это правда, у кого даже мысль такая мелькнет. Понял?

— Понял, шени чириме! — ответил Дато. — Но этого и вмыслях ни у кого нет! Какие-то там ребятишки мелют чепуху, да кто им поверит, шени чириме? Какая цена их словам. Побрешут и замолчат.

— Так и надо говорить всюду, мой Дато. Да и какой вам прок, если не будет нас?

— Не дай, бог, шени чириме! Что за житье будет нам без вас?

— Что бы там ни было, а все же мы печемся о вас, как родители.

— Да, шени чириме! Вы — родной отец, а мы — ваши дети. Если и случается, что разгневаются на нас, накажете или захватите что у нас — так что ж из этого? Ведь это все — ради нашего же блага! Разве отец не сердится на своих детей?

— Разумеется, сердится. И все же сын остается сыном, а отец — отцом.

— Правду изволите говорить. Иному этого и не понять; он твердит: «Что мое, то должно быть моим, и по какому праву барин отнимает его у меня»? Того не могут взять в толк, что если и отбирает барин, так это делается для их же пользы. Сами изволите знать, крестьяне — народ темный.

— Конечно, темный — вмешалась в разговор Дареджани, — ведь какой же он барин, если не пожурит или не отнимет? Да наконец не посторонний ведь отбирает, а свой же барин!

— Правду изволите говорить. Отец он, а не посторонний, — плутовски заметил Дато.

— Везде и всюду есть старшие и младшие, — сказал Луарсаб. — Посмотри хотя бы на свои пальцы: один — длиннее, другой — короче. А почему? Да потому, что самим богом так положено, чтобы везде были старшие и младшие. Взгляни-ка получше на свои пальцы.

— Да разве я не смотрел, шени чириме? Есть и подлиннее и покороче. Но, да будет свято правосудие господне, бог создал их так мудро, что один не мешает другому, — многозначительно добавил Дато.

— Да! Везде есть старшие и младшие, — продолжал Луарсаб, не понявший намека Да-

то. — Почему же у нас не должно быть этого? Да и как можно поверить этому?

— У кого есть мозги в голове, тот, конечно, не верит, шени чириме! А безмозглые, те говорят, что это, мол, правда.

— Какая же правда? — воскликнула Дареджани. — Чем мы провинились перед государем, чтоб он вдруг отобрал у нас крепостных или какую вы принесли ему пользу, чтоб он дал вам вольную? Как вы не соображаете этого?

— Сказывают, шени чириме, будто умные люди написали, что от этого будет благо для всего мира. Но, должно быть, это вранье.

— Ну, конечно, вранье — вскричал Луарсаб. — Какой благомыслящий человек мог это сказать, если не иудино отродье?

— Чтоб громом поразило такого умника! — воскликнула Дареджани.

— Если б это была правда, зачем же гареджинская гадалка сказала бы?..

— Что же она сказала, шени чириме?

— А то, что, мол, все это вранье.

— Ну, как можно не поверить такой прорицательнице, как она? — прибавила Дареджани.

— Я и раньше знал, что это враки. Каково будет нам без господ? Наши крестьяне говорят: «Заброшенной церковью завладеют черти». Так и с нами случится. Ясно, что и вас, князей, и нас крестьян, обманывают, говоря, что якобы от этого будет благо для мира. Ну, как можно поверить этому?

— Если меня не будет в живых, так пусть хоть весь мир перевернется или, как говорится, пусть «камня на камне не останется», — сказал Луарсаб. — Для мира, говорят, будет хорошо? Да на что мне такой мир, если не станет меня

с тобой! Пропади он пропадом! Неправда ли, Дато?

— Да, шени чириме! Все вранье; я многим говорил, что это враки, только кто мне верит!

— А ты скажи, что, мол, барин сам, своими устами говорил тебе. И тогда не поверят? — сказал Луарсаб.

— Тогда, конечно, что им остается? Должны поверить!

— Ну, и хорошо, Дато! Всем так и передай.

— Слушаюсь, батона! Прикажите итти?

— Иди.

Дато ушел. Бог знает, как смеялся в душе этот лицемерный слуга.

— Несомненно, он убедился, что все это ложь, — сказала Дареджани после ухода Дато.

— Ну, конечно. Он умный человек, — ответил Луарсаб.

V

— Все это хорошо, но что у нас сегодня к ужину? — спросил жену Луарсаб однажды вечерней порой, когда куры, готовясь ко сну, садились на насест. — Дареджан! Не слышишь? Что у нас сегодня на ужин?

— Как -- что, генацвале? Слава богу, дом — полная чаша, — заявила жена.

— А все же?

— Есть оставшееся от обеда прекрасное отварное мясо, прекрасный свиной филей, прекрасный...

Дареджани собралась сказать еще что-то, но Луарсаб, который при упоминании о свином филее пришел в восторг, прервал ее.

— Уф-уф-уф! Свиной филей, клянусь тобой, чего хочешь, стоит! А еще? Что-то у меня сегодня разыгрался аппетит.

— Есть еще балык — подарок армянина, который купил у нас вино; прекрасный кусок, весь заплыл жиром.

— И это хорошо! А еще?

— Хлеб, сыр и открытая душа.

— И это недурно, клянусь тобой! Такого ужина, как у нас, вероятно, даже у царя не найдется.

В ожидании вожделенного ужина разохотившийся барин заправил трубку, с нетерпением расхаживая по комнате и, погруженный в какие-то глубокие думы, иногда вскрикивал: «Свиной филей! Клянусь, это великолепная вещь!..»

Ужину, как и всему на этом бренном свете, наступал конец. Наевшись и развалившись на тахте, Луарсаб начинал думать уже о завтрашнем дне.

Еще бы? Ведь это же был семьянин!

— Ну, с божьей милостью, сегодня кончили ужин. Давай-ка, подумаем о завтрашнем дне. И завтра ведь нужна нам еда! Так уж устроена богом человеческая жизнь. Чего бы нам поесть завтра?

— Завтра?.. — задумалась Дареджани, точно ей поручили головоломную задачу. — Завтра? Подожди, дай подумать... Завтра? Что ты скажешь насчет арталы.

— Ого, как хорошо ты придумала, клянусь тобой, — с увлечением произнес обжорливый князь. — Артала? Охотник я до нее, как козел до зеленых веток. Молодчина, Дареджан! Жир-

ная аргала с чесноком, сваренная нашим Тедо, стоит целого государства. Отлично! А еще? Разве нам хватит этого?

— А если к этому еще чихиртму¹? — спросила жена с соблазняющей улыбкой.

— Чихиртму? Гм... чихиртму?.. Нет, милая, предпочитаю бозбаш², — сказал после некоторого раздумья Луарсаб. — Ва³, бозбаш со сливами!

Последние слова Луарсаб произнес таким тоном, точно удивлялся: как такая умная женщина не может понять столь простую истину?

— Клянусь твоей жизнью, Луарсаб, бозбаш никак не лучше чихиртмы, как бы отлично его ни приготовить.

— Ва!.. — с еще большим удивлением воскликнул Луарсаб. — По-твоему, чихиртма лучше, чем бозбаш со сливами? В своем ли ты уме? Чего стоит бозбаш сам по себе, да еще приправленный сливами!.. Что ты говоришь, что? Кусок хлеба, который я обмакну в жирный бозбаш, для меня дороже целого котла чихиртмы. Как же ты хочешь уверить меня, что чихиртма лучше? Значит, я после этого не мужчина и недостойн носить шапку.

— Ты удивительно упрямый человек. Если заладишь что-нибудь, никак тебя не переубедить, — не без досады сказала Дареджани зартачившемуся Луарсабу.

— Конечно, мужчина и должен быть именно таким. А хорошо, это по-твоему, когда сегодня он говорит одно, завтра другое? — спросил

¹ Суп из белого мяса с яйцами, зеленью и уксусом.

² Суп из жирной баранины с луком.

³ Восклицание, выражающее удивление.

Луарсаб, подбоченясь и приняв победоносный вид.

Дареджани почувствовала, что Луарсаб занял прочную позицию и поспешила переменить тему разговора.

— Так ты все же предпочитаешь бозбаш?

— Предпочитаю.

— Значит, у тебя нет вкуса, — сказала раздосадованная Дареджани.

Луарсаб вспыхнул, но сдержал себя и ответил с неудовольствием:

— Это у тебя нет вкуса, раз тебе больше нравится чихиртма. Я-то предпочитаю бозбаш.

— Какую ты несешь чушь! — разозлилась на этот раз Дареджани. — Как же бозбаш может быть лучше чихиртмы, когда от одного упоминания о чихиртме, у меня текут слюнки, особенно если я голодна? А вот от бозбаша — нет.

Это было произнесено княгиней с такой резкостью и желчью, точно она хотела сказать: «Ах, какой же ты дурак! Я привожу такие доводы, а ты все же стоишь на своем?»

Но и противник был не из того десятка, чтобы против этого довода не выставить еще более веский. Правда, сперва он опешил, не нашелся сразу что ответить, потом, подумав, — дай бог вам, читатель, всякого добра, — ловко отразил удар.

— Так ты настаиваешь на своем? — спросил он, вскакивая с места.

— Настаиваю...

— Так слушай: у тебя чихиртма вызывает слюнки, когда ты голодна, а у меня — бозбаш даже тогда, когда я сыт. Вот хотя бы сейчас: ведь я сегодня поел больше твоего, и все же

стоит мне вспомнить наполненную до краев миску жирного бозбаша, с накрошенным в него хлебом, да еще с изрядным куском бараньей ляжки сверху, как у меня сейчас же... Да что говорить? Убей меня, бог, если ты хоть что-нибудь смыслишь. Бозбаш это — царь всех супов, так же, как осетр — царь рыб. Но где тебе, женщине, знать это?

— Ну, как можно поверить тебе, если ты даже не знаешь, что царем рыб считается лосось, а не осетр... И всегда ты бываешь неправ, вот, как сейчас, — злорадно заметила Дареджани, обрадовавшись тому, что уличила мужа во лжи.

Луарсаб несколько смутился, но и виду не показал, решив, для поддержания своего достоинства, во что бы то ни стало доказать, что царь рыб это осетр.

— Теперь заладила это. Я тебе говорю — осетр.

— А я говорю — лосось.

— О-х! Осетр, клянусь своей головой! Неужели и теперь не переищишь?

— Лосось, лосось! — настойчиво твердила княгиня.

— Откуда ты знаешь, что лосось?

— А ты откуда знаешь, что осетр?

Этот вопрос сбил с толку Луарсаба и окончательно запутал его. Положение было безвыходное. Он очень хотел придумать что-нибудь, даже сослаться на Карабадин, но вспомнил, что Дареджани начитаннее его, и не посмел.

Дареджани, как известно читателю, была умная женщина. Видя, что Луарсаб не нашелся,

что ответить, она еще решительнее напустилась на него:

— Ну, скажи, скажи, откуда ты это знаешь? Если чего не знаешь, — не спорь. А теперь признайся: лучше чихиртма или нет?

Дареджани ушла, что именно теперь, пользуясь замешательством Луарсаба, можно заставить его согласиться с ней, что теперь, как никогда, самая подходящая минута заставить его признать превосходства чихиртмы, и потому она неожиданно перевела разговор опять на чихиртму.

Пригорюнился бедный Луарсаб. Он стоял, опустив голову, точно ребенок, которого уличили в краже сахара, и не знал, что делать. Он чувствовал, что жена взяла верх, но считал зазорным признать это. При других обстоятельствах он, может быть, и уступил бы ей, но теперь, когда дело приняло серьезный оборот, когда жена действовала назло и наперекор ему, он считал постыдным уступить ей. Правда, была минута, когда он почувствовал себя настолько прижатым к стене, что уже собрался признать преимущество чихиртмы, но в этот миг глазам его представилась переполненная дымящаяся миска бозбаша с накрошенным лавашом¹ и с торчащим сверху аппетитным куском бараньей ляжки. Это вновь ободрило его, придало ему силы и решимости, заставило забыть и стыд, и поражение, и победу и побудило сказать горячо:

— Не знаю. Если даже лосось, действительно, и царь рыб, все-таки бозбаш лучше чихиртмы.

--- Чихиртма лучше, уверяю тебя!

¹ Хлеб в виде тонко раскатанной лепешки.

де встретить подходящую, но не найдя, решил справить себе чоху с широкими позументами, с такими же позументами просторные брюки, достать рублей двести и поехать в город¹ с тем, чтобы несколько раз прокатиться по улицам на отличных дрожках, — авось, попадется ему в сети девушка из знатной и состоятельной семьи. «А если нет, — думал он, — мало ли там армянок? Возьму приданого не меньше десяти тысяч».

Скоро Луарсабу стало ясно, что незачем ехать далеко. Он узнал, что у князя Гдзеладзе, — очень почтенного и знатного человека — есть единственная незамужняя раскрасавица: дочь с приданым в двадцать тысяч рублей чистоганом. Трепетно забилося у Луарсаба сердце. Сильно пришлось ему это по душе. Целыми днями ходил он сам не свой, не зная, как приступить к делу. Но на его счастье, как-то заявила к нему сваха, подосланная самим князем Гдзеладзе. Это была пожилая, бедная вдова, почтенная на вид, которая, с тех пор как лишилась мужа, зарабатывала средства к жизни указанным честным занятием. Звали ее «лжекнягиня», так как ее покойный муж всю жизнь домогался княжеского титула, но так и не утвердился в нем.

В княжеских кругах за «лжекнягиней» (и мы будем называть ее так) шла слава весьма красноречивой женщины. Говорили, что на всем земном шаре нельзя найти второй такой умелой и опытной свахи, как она. Поэтому-то она дорого ценила свои услуги, но уж если бралась за дело, то непременно доводила его до конца. Ее и выбрал Гдзеладзе в посредницы, дал ей пятьде-

¹ Подразумевается Тифлис.

сят рублей задатка, обещав остальные сто пятьдесят выплатить после сговора. Хотя она и была подослана к Луарсабу князем Гдзеладзе, но пронырливая «лжекнягиня», чтобы обязать Луарсаба и содрать с него побольше, пришла к нему, будто без ведома князя.

Это произошло в доме одного дворянина, который справлял свадьбу и в числе других гостей пригласил так же и Луарсаба. «Лжекнягиня» доводилась жениху теткой. На другой день после свадьбы, подвыпивший Луарсаб прилег после обеда в беседке. Солнце уже склонялось к западу, когда кто-то, толкнув, разбудил его. Он продрал глаза и, увидев перед собой почтенную пожилую женщину, мигом вскочил с места.

— Садитесь, шени чириме, отдохайте, — сказала «лжекнягиня», — извините, ради бога, что я нарушила ваш отдых, но, когда вспоминаю дружбу и близость с вашей матерью, нашу взаимную любовь и уважение, сердце начинает болеть за вас. Вот таким маленьким (она показала жестом) я носила вас на руках и забавляла. Я и ваша покойная матушка были большими друзьями. Мы просто не могли жить друг без друга. Даже родные сестры не бывают так близки, как были мы. Вы, должно быть, не помните вашей матери?

— Нет, мне не было и двух лет, когда она умерла, — ответил Луарсаб, который не мог взять в толк, в чем дело и что нужно этой княгине.

— Ну, конечно, не можете помнить. Когда она, бедненькая, отдавала богу свою невинную душу (зачем я осталась в живых после такой потери. О, господи! На все твоя воля), когда она отдавала свою невинную душу, я сидела у ее ног;

она удалила всех кроме меня. Отца вашего, кажется, уже не было в живых?

— Как не было? После этого он прожил еще лет шесть, — ответил Луарсаб.

— Верно, верно! Как я могла забыть? — спохватилась «лжекнягиня», делая вид, будто в самом деле забыла. — Вот что значит старость! Память стала изменять. Ну, конечно, он был еще жив. Ведь он сам сказал мне: «Сестра Хорешани! Я знаю, как сильно любите друг друга ты и моя жена. Поди, посиди около нее. Ей будет приятно видеть тебя, приятнее даже, чем меня». Видный человек был ваш отец, очень честный и безукоризненный, всюду известный и всеми уважаемый. Слава о нем шла далеко за пределы Грузии. Его знали даже в Дагестане. И у русских он был в большом почете. Но где вам все это помнить? Вы были совсем маленький... О чем, бишь, я говорила? — спросила она Луарсаба.

— Что отец мой был известен в Дагестане, и у русских он был в большом почете, — ответил Луарсаб.

— Нет, не то. Я забыла, с чего начала. Никак не вспомню. Вот, батона, что значит — старость-то. Не помню, о чем я говорила за минуту до этого. Что же мудреного, если я забывала про смерть вашего отца? Ведь с тех пор прошло лет двадцать!

— Нет, только двенадцать, — поправил Луарсаб.

— Хотя бы двенадцать... Все-таки неудивительно. О чем я начала было говорить? — притворно задумалась «лжекнягиня», точно, действительно, не знала, о чем вела речь.

Знала, прекрасно знала! Но она думала, как

бы не попасть снова впросак, как с вопросом о смерти отца Луарсаба. Луарсаб же стоял, вытаращив глаза и решительно не мог понять, что привело эту женщину, и какую цель она преследует.

— Да, в самом деле, — громко произнесла «лжекнягиня» после некоторого раздумья. — Вот, что я хотела сказать: когда блаженной памяти ваша матушка отдавала богу свою безгрешную душу, она удалила из комнаты всех кроме меня. Оставшись со мной наедине, она промолвила своим ангельским голосом: «Сердечный друг, Хорешани! Видно, мне недолго жить. Знаю, что ты очень любишь меня. Вот мои сироты. Будь им матерью». При этих словах — о, горе мне, видевшей это несчастье! — она заплакала. Я тоже залилась горькими слезами. Мы долго плакали. Вскоре после этого не стало моего ангела. Я в отчаянии металась, как ошалелая. Оказывается, многие думали, что я не выдержу горя и сойду с ума. Слишком мы были привязаны друг к другу, жили с ней, что называется, душа в душу. Ваша матушка изволили быть такой женщиной, — да упокоит ее господь во царствии своем! — такой женщиной, что на нее надо было молиться, как на икону. Нынче уже нет таких, перевелись. Где нам, оставшимся, сравниться с нею?.. На третий день мы по христианскому обряду предали ее прах земле. Большое духовенство было приглашено на отпевание. Говорят, что ваш отец для освящения праха хотел пригласить архиерея, но не смогли достать лошадей для дрожек, чтобы послать за ним. Вы вместе с вашим братом Датиго остались крошечными сиротами. Уже тогда вы мне полюбились, уже тогда мое сердце

больше лежало к вам, не знаю почему. Хотя Давид и вы от одной матери, но вы мне были почему-то дороже. Вы, конечно, меня не помните?

— Нет, не помню.

— Ну, ясно! Не можешь помнить. Тебе было всего три года, когда умер мой муж — о, горе мне, потерявшей его! С тех пор я сижу безвыходно дома, несчастная, одинокая, незащищенная вдова. Нет для меня никакой радости. Весь мир кажется мне одетым в черное... Простите мою смелость. Может, наскучила вам? Но что делать? Много страданий и горя я видела на своем веку. Как вспомнишь — становится тяжело на душе... Однако не буду надоедать вам. Скажу коротко. Вам было около трех лет, когда я лишилась мужа. Рассталась я с вами и с тех пор не видела ни разу. Но сердцем я всегда была с вами и не упускала случая справиться о вас. Как-то ночью, — это случилось месяца три тому назад — я крепко спала. Вдруг передо мной предстал весь в белом одеянии, светоносный, лучезарный ангел. Это было сновидение, но такое сновидение, которое и до сих пор кажется мне действительностью. «Хорешани! — сказала мне видение, — я — душа твоей любимейшей подруги, светлая и беспорочная».

Я тотчас же обняла колени вашей матери. Это изволила быть ваша мать.

«Не обнимай моих коленей, — сказала она снова. — Ты причинила боль моему сердцу: зачем оставила без присмотра моих детей — Давида и Луарсаба? Судьба Давида уже не тревожит меня, он женился и устроился. Но почему ты не заботишься о Луарсабе?» Три дня подряд появлялось это видение, всякий раз повторяя

одно и тоже. Правду я говорю вам; пусть буду я похоронена неоплаканной вами, если вру! Да если бы и не случилось этого, я, как уже сказала, дала богу обет быть вам заместо матери. Вот сегодня настал этот день. Вы уже цветущий молодой человек. Как только я увидела вас, сейчас же поняла, что свело с ума бедную девушку. Что в сравнении с вашей фигурой и осанкой могучие плечи Карамана, прелесть Тариэла, разум Гарданкешани¹? Только взглянула я на вас, тотчас же догадалась, кто зажег огонь в сердце этой несчастной девушки. Я говорю — «несчастной», потому что, может быть, вы совершенно и не думаете о ней, она же тает.

Луарсабу стало приятно. Он еще более заломил шапку; затем провел рукой по усам, выпрямился и расправил плечи. Ему стало так приятно, что первое время он не нашелся, что сказать. Конечно, он еще не знал, кто эта девушка, тем не менее это известие доставило ему удовольствие.

— Но и девушка недурна, — начала снова «лжекнягиня», — для такого Карамана как ты, она настоящая Салбихураман. Вы будете настоящими Тариэл и Нестан-Дареджани² если вас соединить. Ее происхождение и род тоже неплохие. Фамилия их записана на одной странице с фамилией князя Мухран-батони. Прекрасная девушка, прекрасная семья, знатное происхождение, знатная родня—один дядя майор, другой—диамбеги, — приданое наличными деньгами, чего тебе больше? Кроме того тут и желание твоей матери. Ее ангельская душа еще и вчера ночью

¹ Герои повести «Караманнани».

² Герои поэмы Шота Руставели.

явилась ко мне и сказала: «Непременно, — говорит, — устрой это дело».

— Сколько дают за ней? — спросил Луарсаб.

— Тысяч двадцать.

— Наличными?

— Все золотыми червонцами, дома хранят в мешочках.

— Не дочь ли князя Гдзелядзе?

— Кто вам сказал?

— Я знаю.

— А все же?

— Знаю, это она. А вы думаете, у меня не было видов на нее? — с застенчивой улыбкой проговорил Луарсаб.

— Каким образом? Вы встречались с ней?

— Я и в глаза ее не видел, но знаю так.

— Так вы разрешаете говорить от вашего имени? Как обрадуется девушка!

— Подумаешь, а отец-то не будет рад? — сказал Луарсаб, зазнавшийся от похвал «лжекнягини».

— Нет, не будет рад, клянусь вами, — сказала она, искусственно затрудняя дело.

— Значит, не он вас прислал?

— Что вы, помилуйте! Если бы меня прислал он, дело уладилось бы в два счета, раз имеется также и ваше согласие. Беда в том, что отец сильно упрямится.

— Упрямится?.. вскрикнул Луарсаб, задетый за живое. — Чем я ему не нравлюсь? Ни происхождением, ни семьей я не уступаю ему, чего же еще нужно?

— Видите ли, очень уж он упрям.

— Значит, не согласится?

— Как не согласится! Но нужно много старания и ловкости.

— Значит, можно его уговорить?

— Кто знает? Все зависит от сноровки, но все же, бог его знает, очень уж он несговорчив!

— А сноровка — это же ваше дело.

— Верно, но одной моей ловкости недостаточно.

— А что еще нужно? Все, что смогу — беру на себя. А за услуги и мы умеем платить.

— Вуй, что ты, шен генацвале! Кто об этом говорит? Ваш род исстари славится своей щедростью. Разве я не знаю? Да наконец если я и возьму что-нибудь от тебя, сына моей задушевной подруги, разве это пойдет мне впрок? Нет, шени чириме, я этого никогда не позволю себе. Это уж твоё дело. Но, как говорит пословица: — «Взятка освещает преисподнюю»¹. Понадобится рублей двести, чтобы подкупить близких ему людей. Есть тут такой человек, одно его слово для Мосе Гдзеладзе крепче печати, крепче фирмана. Надо будет ублажить его.

Но где мне взять сейчас двести рублей? — сказал опечаленный Луарсаб, опустив голову.

— Об этом не беспокойся. Ты только выдай вексель, а деньги достану я.

— Пожалуйста, хоть сейчас, — **встрепенулся** обрадованный Луарсаб.

«Лжекнягиня», видя, как легко околпачить его, подумала: «Ну, и дурак же! Почему я не запросила больше?» и, чтобы исправить оплошность, сказала:

— Имей в виду, сын мой, что с тебя возьмут большие проценты.

¹ Ср. ♦ поговоркой: «Денежка дорожку прокладывает».

— Большие? Сколько именно?

— По тридцать пять копеек с десятки.

— Что же делать? Заплатишь, раз есть нужда....

— Ну, так слушай меня: сначала ты станешь отказываться. Что бы тебе ни говорили, ты ни с места, — авось, удастся скупердягу — отца, после того как он даст согласие, взять в оборот и вытянуть у него больше денег. Понятно? Все это я говорю в твоих интересах, а то какая мне польза? Понятно?

— Как не понятно? Понятно! Мне, значит, надо заупрямиться?

— Теперь дело за мной! Завтра утром я заготовлю вексель, ты подпишешь его, а остальное предоставь мне.

— Вексель нужно выдать вперед?

— А то как же? Кто без этого доверит тебе деньги? Будь они у меня, конечно, я не пожалела бы их. Но откуда у меня, несчастной вдовы, могут быть такие деньги? Придется занять у армянина. А ведь ты знаешь, каким ростовщиком становится в таких случаях армянин?

— Знаю, знаю.

— Потом, когда сосватаю, не забудешь меня, горемычную вдову... Накормишь хоть раза два, — сказала «лжекнягиня», чтобы разжалобить Луарсаба. — Ваш род известен своей щедростью.

Луарсабу бывало приятно, когда так отзывались о его роде. Только скажи, — он уже готов снять с себя чоху и надеть ее на тебя.

— Но, скажи, какова сама невеста? Обо всем поговорили, а об этом забыли, — вспомнил наконец Луарсаб.

— Грамоте и рукоделию хорошо обучена, чего тебе еще? — ответила та.

— На что мне грамота? В мудрецы, что ли, ее прочу? Ты скажи, хороша ли она собой? Каков цвет лица?

— Об этом и не спрашивай, — писаная красавица.

— Так значит, мне сначала заупрямиться? — переспросил Луарсаб, у которого при последних словах «лжекнягини» пробежала по телу приятная дрожь.

— Да, да! Надо поломаться. Я говорю это в твоих же интересах, так как твоя мать была для меня ближе родной сестры, а то, сам знаешь, какая мне корысть? Все это я делаю для спасения своей души. Ведь Мосе Гдзеладзе ничего мне не даст. Только бы уговорить его и устроить твое счастье, а о своей пользе я и не думаю.

— Это я беру на себя, — ответил Луарсаб и, улыбнувшись, переспросил: — Красива она?

— Я же сказала — писаная красавица.

— И имеет двадцать тысяч?

— А может быть, и больше. Это зависит от нас.

— Может быть, и больше? Да! Что вы скажете, — недурно будет? — сказал Луарсаб таким тоном, точно только собирается обсуждать выбор.

— Как я вижу, ты еще не совсем твердо решил? — испытующе спросила лукавая «лжекнягиня», желая выведать, крепко ли запало в сердце Луарсаба желание жениться, а если крепко — нельзя ли содрать с него еще денег.

— О, что вы говорите?!

— Как, что я говорю? Если ты еще не решил, лучше сейчас же откажись, чтобы не подвести меня.

— Что вы? Как я могу отказаться, когда

любовь горящими угольями пожирает мое сердце? Ну, как я откажусь? Чем она может не понравиться мне?

— Значит, кончили?

— Кончили.

— Ах, шен генацвале? Наконец-то я сумею выполнить долг перед твоей матерью и обет, данный перед богом, если, конечно, Мосе Гдзеладзе не будет особенно артачиться.

— Ты подкупи того человека, о котором говорила, я же буду упираться.

— Хоть бы никому кроме него не пришлось дать взятку. Боюсь, что придется дать...

— А ты подели между ними двести рублей.

— Что ты, душа моя? Как можно? Это же не какие-нибудь простые люди, чтоб пачкать руки из-за твоих ста рублей. Это — князья, с известными именами. Их подкупить не так просто. Вот и видно, что ты еще ребенок.

— Мне еще нет полных двадцати, — соврал Луарсаб. Ему шел уже двадцать первый.

— А ей—около семнадцати. Вы будете, ну, прямо, как два голубка. О, господи! Дожить бы мне до того счастливого дня, когда увижу вас сидящими рядышком. Многие позавидуют вашему счастью!

— В таком случае, ускорь, ради бога! — взмолился Луарсаб, охваченный нетерпением.

— Если бы ускорить дело зависело только от меня,—да ускорится кончина твоего врага!—я живо довела бы дело до конца, но помехой — этот проклятый отец. Однако не бойся. Бог милостив.

На этом кончилось первое посредничество хитроумной свахи. С этого дня Луарсаб во сне и наяву бредил писаной красавицей и мешком с

двадцатью тысячами. Мучительно разыгрался в нем аппетит, и бурлили желания. При каждом воспоминании он сладостно потягивался, жадно облизывал губы и приговаривал: «Писаная красавица, двадцать тысяч рублей червонцами, а может и больше! Гм! Что ты скажешь, Луарсаб? Недурно, а? Недаром говорится: «Дай мне счастье, а там хоть выбрось меня в навозную кучу».

VII

Хотя по корыстным соображениям «лжекнягиня» и затянула несколько дело, однако нужно было поскорей заканчивать его, так как обе стороны дали согласие. Кроме расчетов «лжекнягини» тут имело место еще одно угрожающее обстоятельство: «Во-первых, невесте было двадцать лет, говорили даже, что двадцать один. Но это еще ничего. В этом деле можно было ловко обмануть. Не лошадь же она, чтобы по зубам определять ее возраст? Несчастье заключалось в том, что она была изрядной дурнушкой. Как тут обманешь? Как замажешь глаза? Правда, можно было на смотринах показать другую девушку, а под венец повести настоящую невесту и силой заставить жениха повенчаться. Но «лжекнягиня» боялась, что потом оттаскают ее за волосы. Это бы еще не беда, что ее оттаскают за волосы, если бы хоть прибыль была большая, но что за деньги двести рублей? Правда, у нее был еще вексель Луарсаба, но после того, как поймает его в такую ловушку, как она рискнет получать по расписке? Ведь ей не унести ног. К диамбеги, что ли, итти жаловаться? Что вышло бы из этого? Либо Луарсаб опорочит вексель, либо диамбеги отхватит себе добрую половину денег. Чорт

с ней, с этой половиной, лишь бы не всплыло наружу само дело, а то не миновать «лжекнягини» тюрьмы. «Нет, — подумала она, — пусть эта расписка на всякий случай остается при мне. Когда подойдет срок, напомним Луарсабу. Пришлет — хорошо, а откажет — черт с ним. Но зачем действовать на авось? Бережного и бог бережет. Лучше попросить Мосе Гдзеладзе накинуть наличными еще сто рублей, вот это будет дело, и надуть Луарсаба. А то, не угодно ли, заводить тяжбу, начнется волокита, может быть, выплывет эта история, к ней, пожалуй, пристегнут и другие дела, и пойдет кутерьма! Зачем? Нет! Это не по мне. Я люблю работать начистоту».

Так была настроена «лжекнягиня», когда арба, на которой она восседала, точно богомолка, едущая на храмовой праздник, в'ехала в деревню князя Гдзеладзе. На следующее утро сам Мосе Гдзеладзе явился к ней и пригласил к себе. Начался разговор.

— Ну, дражайшая сестрица, что скажешь: мальчик или девочка? — спросил Мосе Гдзеладзе.

— То-то и горе, что — девочка, — ответила «лжекнягиня», принимая печальный вид.

— Как? Не женится?

— Нет.

— Что ж он говорит?

— Невеста не нравится. Не обижайся, — но говорит, что она урод.

— О, горе тебе, Мосе! Разве он видел ее где-нибудь?

— Нет, нигде не видел, но узнал.

— Ну, если не видел, еще можно поправить дело.

— Но как?

— Если ты мне поможешь, дорогая сестра, и не забудешь моей хлеб-соли, мы сумеем наладить дело.

— Меня нечего просить. Ты же отлично знаешь, что я не пожалею жизни, чтоб послужить тебе.

— Ну, если так, погоди немножко.

Моше вышел и спустя немного привел красивую, грациозную девушку. Поставив ее перед «лжекнягиней», он стал поворачивать то в одну, то в другую сторону, потом приказал девушке выйти.

Пронырливая сваха смекнула, что это значит, но сделала вид, будто ничего не понимает. Моше подошел и сел рядом с ней.

— Ну, как она тебе нравится? — спросил он.

— Просто прелесть, — с невинным видом ответила «лжекнягиня».

— Она будет выглядеть еще лучше, если нарядить ее в платье моей дочери.

— Конечно! Будет вдвое красивее.

— Что ты скажешь, если, нарядив эту девку, мы покажем ее вместо моей дочери, родственнику жениха, который привезет брачный залог¹, — спросил Гдзеладзе, пристально глядя в глаза «лжекнягине», точно желая прочесть в них ответ.

— Но ведь после сговора придет жених. Что же ты скажешь ему?

— Кто же доведет до этого?.. Назначу свадьбу на третий же день после сговора, так что он не успеет приехать и повидать невесту.

— Да, но на свадьбу-то придет?

¹ Подарок.

— Это уж мое дело. Ты помоги мне в споре, а остальное я беру на себя. Силой повенчаю.

— Нет, дорогой, я в этом деле умываю руки. Заявляю тебе наперед.

— Почему?

— Да ведь он уже слышал, что она урод.

— Об этом ты не беспокойся, — прервал ее Мосе, — тот, кто привезет брачный залог, увидит эту девушку и, вернувшись, скажет жениху: «Что за чушь ты несешь? Такой красивой девушки я в жизни не видел». Наконец дам в зубы этому посланному рублей пятьдесят. Совсем иначе запоем тогда.

— Он пришлет брата.

— Тем лучше. Он и без взятки передаст жениху то, что видел своими глазами. Но и денег мне не жаль.

— Нет, голубчик, не впутывай меня в этот грех. Вот, возьми назад свои пятьдесят рублей задатку. Я умываю руки.

При этих словах ловкая сваха вынула две ассигнации по двадцать пять рублей и протянула их Мосе.

— Так, значит, изменяешь мне? — жалобно начал Мосе. — Значит, ты хочешь гибели моей семьи? Неужели тебе не жаль моей бедной дочери? Эх! Как вероломен свет! Ничего не стоит ни хлеб-соль, ни уважение, ни любовь, ни дружба!.. Ничего не поделаешь... Воля твоя... Как тебе угодно... Но знай, что ты пронзила мне сердце ядовитой стрелой; свинцовой пулей пробила мне грудь; как неверный лезгин, погубила христианскую душу...

Этимися словами Мосе хотел растрогать и разжалобить, забывая, что за птица лжекнягиня.

Растрогаться и поддаться словам? Нет! Смеясь в душе, она в то же время нахмурила лицо, при-
творяясь, будто очень скорбит, но ничем не может помочь.

— Клянусь тобой, Моше! -- сказала она печальным голосом.—Пусть не удостоюсь я встречи на том свете со своим бедным мужем, если пожалею свою жизнь для блага твоей семьи. Но, услуга услуге рознь.

— Хотя бы и так, что из этого? -- ответил Моше, у которого возникла искра надежды, когда он увидел, что «лжекнягиня» идет на уступки.—Разве мы не умеем ценить услуги? Я обещал тебе двести рублей, так? Сделай милость, получи двести пятьдесят.

— Нет, генацвале, дело не в деньгах. На старости лет оттакают меня за волосы, погублю свою душу.

— Пусть будет двести семьдесят.

— Нет, шени чириме. Деньги тут не при чем. Дело очень ответственное.

— Но можно ведь все-таки устроить его? Бери двести восемьдесят.

— Устроить, конечно, можно, но кто станет рисковать собой?

— Получай двести девяносто, — накидывал постепенно Моше, видя, что при каждой прибавке княгиня делалась податливее.

— Тут потребуете рискнуть своей жизнью, вот что, а выполнить — разумеется, можно все, что угодно.

Последнюю фразу хитрая княгиня произнесла так уклончиво, точно она не замечала, как постепенно увеличивалась цена услуги и точно

она была занята одним только вопросом: выполнимо или нет поручение? Давно уже она знала, что оно выполнимо. Но она любила вытящить кусок пожирнее, раз уж запустила руку в котел. Не опереди ее Мосе, она сама бы предложила этот план. Не могла же она показать эту дуришку после того, как уверяла жениха, что невеста — писаная красавица? Как-раз для того и пришла к Мосе, чтоб посоветовать ему и с тем, чтобы выторговать себе побольше денег. Но раз Мосе первый предложил этот план, барыш наполовину был обеспечен. Она даже обрадовалась: «Теперь я начну упираться,—решила она про себя,— и если можно разжиться, вот где я разживусь».

— Пусть будет триста, — решительно сказал Мосе, почувствовавший под собой почву. — Больше никак не могу.

— Почему не можешь? — продолжала в том же тоне «лжекнягиня»,—раз дошло до трехсот рублей. — Положим, — можешь! К тому же во время помолвки нужно будет и мое присутствие. Уж если устраивать дело, так устраивать как следует. Но вот беда, — как мне показаться в этом платье?

— Платье — это пустяки! — поспешно подхватил Мосе, обрадованный тем, что уговорил ее. Дам тебе и на платье.

— Ну, хорошо! Выслушай меня внимательно. Я поеду к жениху и уговорю его прислать на обручение своего брата с подарками, а ты принаряди здесь эту девку. Смотри, как бы не выдал тебя кто-нибудь. Свадьба должна состояться непременно через три дня. Устроим так, чтобы за эти дни молодой человек не успел повидать не-

весту. А дальше, как знаешь. Мое участие на этом кончается.

— В ночь помолвки целиком уплачу тебе обещанные деньги, а теперь, если хочешь, возьми обратно эти пятьдесят рублей.

— Нет, дай лучше сто: бог знает, на что могут мне понадобиться. Не бежать же обратно сюда из-за денег?

— Хватит пока семидесяти пяти рублей.

— Дай сто. Ведь это для твоего же дела. Не для себя же прошу?

— Как? Разве эти сто рублей не идут в счет тех трехсот рублей?

«Лжекнягиня» рассмеялась.

— Ну, конечно.

— То-то же. Мне показалось, что ты просишь их сверх тех.

— Нет, генацвале, я беру их в счет тех трехсот рублей. Кстати, дай и на платье, чтобы успеть сшить его во-время.

— Вот, возьми сто рублей. Израсходуй и на платье, а потом посчитаемся.

«Лжекнягиня» согласилась, но ошиблась...

Как порешили, так и сделали. Расставили Луарсабу сети и поймали его.

Спустя две недели Луарсаб, увлеченный успешным ходом дела, снарядил своего старшего брата Давида со свадебными подарками и отправил его на сговор. Давид был принят с большим почетом. Мосе никого не пригласил в гости, чтобы не обнаружили обмана и написал Луарсабу, чтобы и тот не разглашал о сватовстве до свадьбы. Вот подлинное письмо, написанное рукой Мосе, со всеми его достоинствами и недостатками: .

«МОИ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ САНОВНЫЙ КНЯЗЬ!

Хотя я и очень счастлив пребывая в оном ныне от вас счастливый старец и сердце мое в избытке радости от вожделенного вашего зятства, и раскрыли вы мне глаза и вновь узрел весну сего суетного мира, пребываю весьма в радости, пребывая в оной ныне, мой превосходительный сановный зять, так что прошу прислать предсвадебный подарок, дабы не затянуть дело. Не присылайте множества людей, поскольку нахожусь в старости и болезнях; угощение, беседа и времяпрепровождение мне не по силам, оные весьма беспокоят. На свадьбе, так что вы будете в моем доме хозяином, «озовем множество гостей, вы имеете большую и почетную родню, имею также и я, не будучи безродным и соберем в избилли, как подобает вашему именитому роду и моему знатному дому.

«В остальном пребывайте счастливы молю Иисуса сына божьего о вашем счастье, в оном желаю вашего лицезрения ваш тесть сиятельный князь Мосе Ношрванов сын Гдзеладзе».

Получив такое письмо, Луарсаб из вежливости, конечно, не стал бы посылать на сговор близких людей в большом числе. Поэтому, поскольку будущий тесть был нездоров, он отправил только своего брата Давида и какого-то еще родственника, поручив Давиду договориться относительно денег и внимательно осмотреть невесту.

С большим почетом встретил Давида князь Мосе Гдзеладзе. Вместо своей дочери показал дворовую девку, наряженную в лучшее платье. Давид, увидев ее, обомлел от восхищения и — грешным делом — в душе у него зашевелилось чувство зависти, в особенности, когда при этом мысленно представил свою худосочную жену.

За ужином сидели только четверо: Давид, его родственник и сам Мосе со старшим сыном.

Бывшая здесь же «лжекнягиня» пошла ужинать с женщинами.

— Не взыщите, ради бога, за такой скромный прием, — извинился Мосе, садясь за стол. — Для таких дорогих и почетных свойственников, как вы, следовало созвать побольше народу. Но что делать, шени чириме? Я болен и не сумел бы занять гостей. Не сочтите, пожалуйста, за скудость. Но что за радость — больной вообще, а тем более больной хозяин дома? Как могли бы мои гости веселиться, глядя на меня? Поэтому я решил никого не приглашать. Проведем помолвку по-домашнему. А уж на свадьбе — устроим пир горой. Кстати, что сказал мой зять относительно свадьбы?

— Чем скорее, мол, тем лучше, — ответил Давид. — Не сочтите, пожалуйста, за лесть, но, клянусь своей головой, как только он увидит эту девушку, сейчас же повенчается.

— Что и говорить, писаная красавица! — добавил его родственник.

— Слава и благодарение богу, — ответил Мосе. — Во всем его святая воля... Честное слово, я очень рад, что она понравилась вам!

— За здоровье невесты! — произнес Давид, взяв полную чашу вина. — Дай, бог, молодым счастливой жизни до старости.

— Спасибо, шени чириме, — поблагодарил Мосе. — Так значит, по-вашему, чем скорее свадьба, тем лучше?

— Так просил передать мой брат, и я, признаться, того же мнения. Для чего еще оттягивать дело?

— И по-моему так лучше, — сказал Мосе, — напрасно только будет томиться невеста. Правда,

отцу как-будто неудобно говорить об этом, но, нечего греха таить, вы — свои люди, тут невеста тает...

— А там — жених, — закончил Давид.

— Так значит, сыграем свадьбу, когда вам будет угодно, — заключил Мосе.

Было решено, что во вторник вечером придет жених и в ту же ночь обвенчается. На следующий день Давид заговорил о деньгах. Мосе заверил, что на второй день после свадьбы, он собственноручно вручит зятю полностью двадцать тысяч рублей червонцами.

Ударили по рукам. Давид, которому больше не показали невесты, не стал задерживаться и уехал.

Усадив гостей на коней и проводив их, Мосе, оставшись один, потер руки от удовольствия и с улыбкой произнес про себя: «Ловко же я повел дело. Теперь у меня одна забота. Надо придаться к «лжекнягине», выдумать что-нибудь и не заплатить ей сверх того, что я уже дал. Стыдно, если она проведет меня».

Он был занят этими мыслями, когда перед ним предстала «лжекнягиня» с радостным видом.

— Как хорошо все устроилось, — сказала она. — Поздравляю тебя со счастьем дочери! Говоря по правде, больших трудов и усилий стоило мне это. Я вся дрожала, клянусь тобой, чтоб не видать мне тебя в земле!. Думаю, вот-вот догадаются. Но бог миловал, и все сошло благополучно.

— Оставь, ради бога, — ответил Мосе. — Дрожала! Подумаешь, впервые тебе приходится заниматься такими делами? Дрожала! Это же ваше ремесло. Дрожала!

«Лжекнягиня» встрепенулась.

— Ты шутишь или говоришь серьезно? — спросила она тревожно.

— Как же, большая у меня охота шутить!

— Ах, теперь уж нет охоты?

— Ни теперь, ни раньше.

— Дай бог тебе всего хорошего коли так, рассчитывайся и отпусти меня, а дальше — делай, как хочешь.

— Можешь итти, куда угодно. Кто тебя удерживает?

— Ясно, что никто не смеет удержать, но дай мне обещанное, а там, бог с тобой, говори про меня, что угодно, не остану убиваться.

— Обещанное?.. Да мне и того жалко, что я уже дал. Или ты думаешь еще что-нибудь получить?

— Где же твоя совесть? Сбить с ног старую женщину,—гонять ее, как почтовую клячу, осрамить на весь свет и теперь, когда я уже наладила все дело, заявить мне этакое? Где же совесть?

— Молчи, а то...

— Нет, это называется совестью? Я спрашиваю тебя: это называется совестью?

— А это по-твоему называется совестью, — шляться по деревням и заниматься сводничеством? Привести за сто рублей девушку-племянницу к диамбеги, как сделала ты в прошлом году, это по-твоему называется совестью? А устроить ей выкидыш, тоже по-твоему совесть?

«Лжекнягиню» душила злоба. Она потеряла свойственную ей в таких случаях сдержанность и осторожность.

— Ах, вот как? — взбеленилась она. — Убей меня, бог, если я не запутаю тебе дело!

— Надень мне на голову свой лечаки, —

спокойно ответил Мосе на ее угрозу, — если я не запрю тебя сейчас же в хлев, до окончания свадьбы. Что ты сделаешь? Пойдешь жаловаться на меня? Думаю, неохота тебе связываться с диамбеги. Слишком много грехов на твоей душе; выплывут они наружу, разом посчитают тебе их все, и тогда даже в Сибири не найдется для тебя места. Ах, ты, паскудная «лжекнягиня»! Это тебе не тот диамбеги, которому ты приводила девушек и которым вертела, как угодно. Прощай то время.

Но и эти слова не образумили доведенную до крайности «лжекнягиню». В другое время она мигом сократилась бы и стала бы лебезить, но теперь от возмущения и горечи потеряла рассудок и, не отдавая себе отчета, вскричала с раздражением:

— Запереть меня?.. Чтоб громом поразило твою дрянную голову!.. Запереть меня? Что я тебе — дворовая девка или твоя дылда-дочь?

— Что такое? Я тебе покажу, что ты хуже дворовой девки. Ты увидишь сейчас, как я отправлю тебя в хлев! — сказал Мосе, нисколько не шутя. — Если я даже повешу тебя, и то не буду в ответе. Однако не мешает быть осторожным. Покажи сейчас же, что у тебя в кармане, чтобы потом не возводить на меня поклеп!

Тут подлинный князь набросился на «лжекнягиню». Сначала она вздумала было сопротивляться, но потом, — будьте уверены, читатель, — сама же, не пикнув, собственноручно изволила достать из кармана и подать Мосе синий платок. Мосе развернул платок: в нем лежали нетронутыми его сто рублей. Мосе моментально сунул их себе в карман. Кроме того попалась ему какая-то бумажка. Это был вексель, который «лжекнягиня»

выудила у Луарсаба. Пока Мосе был занят рассматриванием векселя, к «лжекнягине» вернулась присущая ей изворотливость. Она подумала: «Нужно бросить препирательство и угрозы, а то, пожалуй, он и в самом деле запрет меня в хлев. Но и это — не беда, высижу как-нибудь. Как сон, пролетят эти пять-шесть дней, а домой напишу, что занята, мол, приготовлением приданого и до окончания свадьбы не сумею вернуться. Никто ничего не узнает. Только бы не лишиться этих ста рублей». Все эти мысли с быстротой молнии пронеслись у нее в голове.

— Кто тебе дал его? — указывая на вексель, спросил Мосе.

Ответ у лжекнягини был готов.

— Ты, конечно, не согласишься, что если я и взяла этот вексель, то опять-таки ради твоего дела. Я решила так: в случае, если Луарсаб обнаружит обман и станет отказываться от женитьбы, покажем ему этот вексель и скажем: «Венчайся, а не то пред'явим его диамбеги и заставим тебя выложить деньги до последней копейки». Вот для чего я взяла вексель. Ты сейчас сердит на меня и потому не согласишься, но даю тебе слово, что я заботилась только о твоём деле.

— Но почему не показала до сих пор?

— Я боялась, что ты, имея этот вексель, ослабишь внимание и старание к начатому делу. Бог знает, все ведь может случиться. Все мы люди!

— Теперь этим хочешь меня провести?

— Я же сказала, что ты не согласишься мне. Стоит человеку один раз потерять доверие, как потом уж ему ни в чем не поверят. Ты думаешь, я обманываю тебя? Если угодно, оставь этот вексель у себя и зачти жениху в счет двадцати ты-

сяч, а мне, дорогой мой, хватит и этих ста рублей.

— Этим ты меня не проведешь. И сто рублей и, вексель останутся у меня, а тебя запру не в хлев, а в чулан, чтобы ты не смогла выдать меня до свадьбы. А после делай, что угодно. Бичо!¹ — крикнул Мосе.

На зов прибежал молодой дворовый.

— Проводи эту «лжекнягиню» в чулан и запири ее там. Поддай ей ковер, подушку и постель. Не забудь кормить вдоволь. Но не забудь также повесить на двери замок, а ключ подать мне. Если кто-нибудь узнает об этом, несдобровать вам всем.

Слуга не трогался с места, думая, что барин шутит.

— Не слышишь ты, сукин сын! — заорал Мосе.

Теперь-то парень поверил. Он подошел к «лжекнягине», схватил ее за руку и потянул за собой. Бедная женщина с'ежилась так, что стала с кулак. Она все же не теряла надежды замять эту историю и благополучно отделаться. Спокойно, точно ничего не случилось, она обратилась к Мосе:

— Ой, шен генацвале! Как к тебе идет напускной гнев! Этот дурак на самом деле поверил твоему приказанию. Где ему, мужику, понять, — не сердись на него, шени чириме!

Эта уловка чуть было не рассмешила Мосе. Парень снова опешил. Много еще других ухищрений пустила в ход увертливая «лжекнягиня», но ничто не помогло: ее заперли в чулан. Впрочем ей все же удалось отправить домой письмо

¹ В собственном смысле — мальчик. Употребляется в обращении ко взрослым, в смысле: «Эй, парень!»

(Моше, прежде чем отправить, прочел его), в котором она сообщала, что занята шитьем приданого и чтобы до среды ее не ждали. Написав это, она вошла в чулан, села на коврик, достала из кармана веретено, которое всегда носила с собой, и, как ни в чем не бывало, принялась пряхть.

VIII

Вечерело, когда Давид вернулся домой. Его жена Елисабеди и Луарсаб сидели во дворе, в тени изгороди. Лишь только Луарсаб заметил приближавшегося брата, он вскочил, подбежал к нему, но постеснялся спросить о чем-нибудь. Давид спрыгнул с лошади, подтянул спустившиеся голенища и, даже не поздоровавшись с женой, прилег на ковер.

— Как тебе понравилась невеста? — спросила жена.

Луарсаб наострил уши.

— Она — просто писаная красавица, — ответил Давид, — я в жизни не видел такой красивой девушки.

Луарсаб обрадовался. Елисабеди же обиделась. «Вероятно, красивее меня», — подумала она.

— В самом деле? — спросил Луарсаб.

— Клянусь тобой! Мне не приходилось встречать такой красавицы. — Потом взглянул на жену и добавил с завистью: — Подожди я еще немного, иначе повернулось бы мое дело.

— Что-о? Ты, что ли, женился бы на ней? — с'язвила Елисабеди. — Скажите, пожалуйста! Какая честь быть твоей женой! Недаром упирался мой отец. Такие ли, как ты, сватались ко мне?

— Упирался! Подумаешь, русский царевич просватал бы тебя! Благодарю судьбу, что нашелся такой дурень, как я, и взял тебя.

Так слово за слово супруги рассорились.

С этого дня в сердце Елисабеди запала зависть, и она возненавидела невестку, которую еще и в глаза не видела.

«Дай, бог, так быстро зачахнуть моему недругу и врагу, как быстро зачахнет она в моих руках! — думала Елисабеди. — В этом доме не должно быть никого красивее и значительнее меня! Чтобы мой муж попрекал меня ее красотой! Как бы не так! До того доведу, что она проклянет час своего рождения!»

На свадьбу Елисабеди не поехала. Ночью, во время венчания, разыгрался крупный скандал. Во вторник утром приехал Луарсаб с братом и большой компанией друзей. В этот день ему, конечно, не показали невесты. Мосе с своей стороны собрал множество гостей. Это было сделано не без умысла. На этот раз в церковь отправили настоящую невесту. Когда все было уже готово, пригласили жениха. Войдя в церковь и окинув взглядом невесту, Луарсаб обомлел. Обернувшись к брату и отбросив всякую сдержанность и учтивость, он сказал:

— Давид! Ты же говорил, что она — писаная красавица?

В публике раздался смех. Бедная невеста вся зарделась от стыда и заплакала. Давид выступил вперед и, увидев, какая уродина невеста, обратился к священнику:

— Батюшка! В чем дело? Вероятно, раньше венчается кто-то другой?

— Венчаются князь Луарсаб Таткаридзе и княжна Дареджани Гдзеладзе, — ответил священник.

— Где же невеста?

— А вот она.

— Луарсаб, — крикнул Давид брату, — нас обманули. Это не она. Не венчайся!

Народ заволновался. С печальным и бледным лицом вышел Давид из церкви. За ним последовали дружки. Потребовали лошадей, чтобы ехать обратно домой, но лошадей предусмотрительно куда-то упрятали. Мосе, которому дали знать, что жених отказывается венчаться, немедленно прибыл с целой ватагой своих сторонников.

— Князь Давид! Что это за новости? — сказал он, принимая сердитый вид. — Теперь, когда девушку уже повели под венец, жених изволит отказываться? Если моя дочь была вам негодна, о чем вы думали до сих пор? Кто вас умолял? Такие ли, как вы, просили ее руки, но я отказывал им.

— Вот она, батона, ваша дочь. Отдавайте ее кому угодно, а брат мой — ей не жених! — гордо заявил Давид.

— Ах, теперь? Когда весь свет узнал, что ваш брат женится на моей дочери, когда он уже ввел ее в церковь? Нет! Не позволю никому позорить меня! Или он сейчас же обвенчается или вам не уйти отсюда живыми! Слыханное ли дело, чтобы жених вступил в мой дом, ввел мою дочь в церковь и вдруг отказался венчаться?

— А слыхано, чтобы подменивали невесту? Это — не твоя дочь.

— Люди добрые! Слышали? Не к чему придраться, так он выдумал, будто это не моя дочь, — обратился Мосе к народу.

— Чья же она, как не его?! — отозвались сторонники Мосе. — Мы можем присягнуть.

— Нет, батонебо, мой брат не повенчается. А если будете угрожать насилием, так и мы — не трусы, — сказал Давид, хватаясь за кинжал.

Находившиеся в церкви женщины кинулись вон. Невесту же и еще двух старушек Мосе приказал не выпускать из церкви, все еще надеясь, что удастся устроить венчание.

— Не будь я князь Мосе, — вскричал он, — если позволю вам издеваться над моей семьей! Пока я жив, я не допущу такого унижения моего дома, чтобы Таткаридзе обесславили в церкви мою дочь! Жених должен обвенчаться!

— Не обвенчается!

— Ваше последнее слово?

— Последнее.

— Давид, — произнес Мосе, внезапно смягчив тон, — пожалуйста сюда.

Давид последовал за ним, и оба отошли в сторону. Мосе достал пятьдесят рублей и тихо сказал Давиду:

— Вот пятьдесят рублей. Молчи. Тебе-то что? Не ты ведь женишься?

Давид смягчился.

— Неужели за пятьдесят рублей я предам брата?

— Ну, семьдесят!

— Хотя бы и за семьдесят.

— Бери восемьдесят!

— И за восемьдесят не могу.

— Сколько же ты хочешь?

— Сто рублей.

— Ну, девяносто!

— Нет, сто.

— Эх, куда ни шло! Пусть будет сто!

Достал сто рублей и передал Давиду, который положил их в карман.

— Я-то замолчу, а с моим братом ведайся сам, — сказал он с улыбкой.

— Только бы ты молчал и склонил двух-

трех человек из ваших дружек, а с Луарсабом я сам справлюсь.

— Пожалуйста! Я обещаю это.

— Так по рукам!

Ударили по рукам и в ту же ночь насильно повенчали бедного Луарсаба. Мосе, конечно, не дал обещанных двадцати тысяч, только вернул Луарсабу вексель, отнятый у «лжекнягини». Луарсаб не хотел увозить жену, пока не учинят с ним расчета, но, не добившись ничего, покорился судьбе и повез домой свою Дареджани.

Елисабеди была вне себя от радости от того, что Луарсаб вместо хваленой красавицы привез некрасивую жену. «Так ему и надо! — говорила она мужу. — Слава и благодарение справедливому богу! Нужно было сперва найти жену покрасивее меня, а потом уж кичиться и злорадствовать. Что, получил? Так ему и надо. Я очень рада!»

Впоследствии, — как это водится, — по милости жен братья перессорились и учили раздел.

IX

Так повенчался наш Луарсаб. Хотя все это совершилось насильственно, хотя и с приданным его обманули, а вместо раскрасавицы сосватали ему уроду, тем не менее он скоро примирился с судьбой, решив, что, видно, так уж у него на роду написано. Впоследствии, — как сам ты знаешь, читатель, — супруги полюбили друг друга. По крайней мере они думали, что любят. Сошлись одного поля ягодки, приноровились друг к другу, полюбили. Разве мало кто считает такое приноравливание любовью? Очень уж покладист грузин: он одинаково примиряется и со счасть-

ем, и с неудачей. Не станет он убиваться и ломать себе голову ни ради благополучия, ни из-за бедствия; оставаясь ко всему равнодушным и безразличным, не станет затевать борьбу. Это равнодушие величают у нас довольством, а довольство, сказал кто-то, не что иное, как счастье. Не раз приходилось мне слышать от почтенных стариков что, дескать, мы тем по крайней мере превосходим молодежь, что довольствуемся малым. В таких случаях я отмалчивался, думая: «Довольство — смертный грех. Счастливо новое поколение, если оно, действительно, не довольствуется существующим. В этом именно его спасение».

Но наша супружеская чета думала иначе. Они и не представляли себе, что существует на свете жизнь «лучшая», чем у них. Обоих вполне удовлетворяла их доля: долгов у них не было, тяжбы и споров они ни с кем не заводили. Одно лишь печалило их: они были бездетны. Вот уже сорок лет минуло Луарсабу, Дареджани же — сорок один, а бог не даровал им ребенка. Много раз княгиня перелистывала Карабадин, много всякого рода снадобий и трав выпила сама и дала пить мужу, но ничего не помогло.

«Чего они зря ломают себе голову и изводятся? — язвительно говорила Елисабеди. — Все равно ни к чему. Вот и поплатилась она за то, что читала книги Соломона Мудрого и занималась колдовством. Господь отвернулся от них, и теперь им нет спасения».

Но супруги не теряли надежды. Узнали, что в Тифлисе живет ворожея, которая может определить причину бесплодия. Сейчас же отправили к ней дворового человека, послав через него отличный шелковый платок, на котором, как известно, гадают ворожея тем, кто не может сам явиться к ней, и который, конечно, остается у

нее. Через три дня посланный привез ответ, что на них гневается святой угодник. Какой же угодник? — «телетский!» — говорила гадалка. Услышав это, муж и жена удивились и одновременно перекрестились.

— Дивны дела твои, господи! — сказали они и снова перекрестились.

— Ах, чорт возьми! В этакую даль он позвал нас! — сказал Луарсаб.

— Как можно упоминать чорта, когда говоришь об угоднике?

— Прости, господи! Прости, господи! — стремительно крестясь, произнес Луарсаб несколько раз. — Чорт возьми! Просто по привычке слетает у меня это слово с языка. Господи, прости!

— Что же ты скажешь, Луарсаб, поедем?

— Да ведь далеко...

— Что из этого? Вероятно, на то божья воля.

— Давай-ка поедем на поклонение иконе некресской богоматери. Это недалеко отсюда.

— Но телетский угодник может обидеться. Скажет: я потребовал к себе, а они — вон куда поехали.

— Верно! Обидится. Возьми к примеру меня, я же — простой смертный, но и то бы разгневался. А он ведь святой угодник. Он тем более должен разгневаться.

— То-то и дело.

— Так что же делать?

— Надо ехать.

— Да, но ведь далеко! Как ты думаешь?

— Уж если решили ехать, нечего попрекать угодника.

— Верно, верно! Прости и не взыщи с меня,

святой угодник телетский! Слава и величие имени твоему! Еду, еду на поклонение тебе.

Муж и жена поверили гадалке. Велели Тедо запрячь арбу, покрыть ее сверху ковром, привязать на задке арбы откормленного барана, и в одно прекрасное летнее утро двинулись в Тифлис. На арбе сидела Дареджани со своей прислужницей Ламазисэули. Луарсаб на своем жеребце и дворовый человек тихим шагом следовали за медлительной арбой. Боевой вид был у нашего и без того славного Луарсаба, хотя надо сознаться, что он возвышался на седле, точно мешок, туго набитый ватой. Через плечо у него висела шашка грузинского образца, спереди красовался длинный лезгинский кинжал. Сзади за пояс был заложен пистолет, покрытый эмалью. Одет он был в черную шерстяную чоху, ухарски отвернутые полы которой были заложены в карманы. Шаровары были заправлены в высокие белые карабахские сапоги. На голове лихо сдвинутая назад (так как было жарко) калмыцкая с синим отливом мерлушковая папаха. Словом, будь у него в руках еще обнаженная шашка с насаженным на ее острие яблоком, он походил бы точь-в-точь на шутовского хана, которого возят по улицам в чистый понедельник во время «кееноба»¹.

На пятый день они достигли Телети, помолились и на следующий же день пустились в обратный путь. Когда они проезжали мимо Тифли-

¹ Кееноба — грандиозный карнавал, имевший своей первоначальной подкладкой аллегорический смысл: представить в карикатурном виде одного из ханов («кени»), власть которого была свержена в Грузии. В 90-х годах XIX столетия это народное празднество было воспрещено царским правительством.

са и выехали на кахетинское шоссе, княгиня Дареджани, сидевшая в арбе, стала на колени и взглянула на город.

— Посмотри, ради бога! — разбудила она Луарсаба, храпевшего в арбе. — Какой огромный город! Вероятно, здесь сплошь каменные постройки?

Княгиня ни разу не видела Тифлиса.

— Ну, конечно! Не будут же плетенные избы.

— А церквей, господи, сколько церквей!

— Знаю. Я же бывал здесь.

— Когда тебя привезли впервые, дали тебе проглотить камушек¹?

— Как же! Я проглотил таких три камушка, что с трудом переварил их.

— И уж не сглазил тебя город?

— Конечно, нет, раз я проглотил. Не проглоти, было бы другое дело.

— Ну, разумеется... Вероятно, здесь много любопытного?

— Еще бы! Здесь толкается народ со всего света: татары, турки, евреи, осетины, армяне, а про русских и говорить нечего, как мух много!

— Правда ли, будто здесь могут отрезать человеку голову, а потом снова его оживить?

— Конечно, правда. Это еще что! А вот выдумали такую штуку, которая сама пилит доски.

— Не сочиняй, пожалуйста!

— Клянусь своей головой!

— Так сама и пилит?

— Ну да.

— И не нужно человеческой помощи?

¹ У нас существует поверье о том, что, если впервые приехавший в город не проглотит камешка, его непременно сглазит город. В свое время и мне, автору этих строк, дали проглотить камешек (прим. авт.).

— Нет.
— А кто же держит пилу?
— Чорт и дьявол! Чтоб нелегкая взяла русских!

— Разве это выдумали русские?
— Ну, конечно, не твой же деверь Давид?
— А видел ты, какое показывают мастерство?

— Какое?
— На скачущей лошади стоит человек, на плечи ему становится другой, потом сверху третий и так еще и еще.

— Экая, подумашь, хитрость! Разве я сам в детстве не становился на скачущей лошади? — похвастался Луарсаб.

— Как бы не так! Чтобы ты, да становился!
— Клянусь богом! Теперь-то уж нет у меня здоровья и былой живости, а то я и сейчас показал бы тебе.

— Не хвастай! Знаю же я тебя.

— Разве я говорю из хвастовства? Сказал потому, что это искусство немудреное. Есть много вещей куда потруднее, такие, что...

— А именно?

— Да мало ли каких.

— Какие же? Скажи, чтоб и я знала.

— Где же их перечить? Охота тебе. Уф! Как стало жарко!

И наш немудреный Луарсаб, не зная, что сказать, переменял разговор, снял папаху и вытер ею с лица пот. Затем потребовал трубку и за курением снова заснул так крепко, точно не спал подряд несколько ночей.

На пятый день счастливые супруги благополучно вернулись домой, привезя с собой надежду на то, что скоро у них родится ребенок. Но прошло три месяца, а платье у Дареджани не стало тесным, прошло и девять месяцев, а Дареджани не испытывала родовых схваток. Тем не менее она не теряла надежды: понавесила на себя и подшила в складки платья такую массу камешков разных цветов и по-разному замороженных, что, действительно, нельзя было не иметь надежды. А если она до сих пор не стала матерью, то только потому, что Луарсаб тогда попрекнул телетского угодника, сказав: «Куда ехать в такую даль?» Не будь этого, ребенок давно сидел бы у Дареджани на коленях.

Луарсаб был в скверном настроении. Это еще ничего, что не было ребенка и что святой угодник обманул его; потребовал к себе на поклонение и все же не дал ему сына. Луарсаба злило то, что Давид, родной его брат, недавно сказал про него: «Когда же подохнет этот проклятый, чтобы свободно похозяйничать в его имении!» Вот что бесило Луарсаба; бездетность же не была для него особенно большим несчастьем.

Как-то вечером опечаленный Луарсаб лежал на тахте. На другой тахте княгиня Дареджани вязала носок. Луарсаб был в подавленном состоянии духа. Молча уставился он в потолок и думал. Думал о том, как добиться того, чтобы иметь ребенка. «Разве я хочу иметь ребенка для того, чтобы быть отцом? — думал он. — Нисколько, клянусь вами! Ребенок нужен мне назло и наперекор Давиду; не хочу дать ему хозяйничать в моем имении! Не хочу дать ему торже-

ствовать! Не будь этой заботы, не стал бы я очень сетовать на то, что у меня нет детей. Мало ли на свете бездетных? Но я не хочу доставить Давиду радость!»

Сказав это про себя, он перевернулся набок и с печальным видом жалобно сказал жене:

— Значит, так безнаказанно и сойдет Давиду сказанное им? Значит, дадим ему радоваться в нашем имении?.. Дареджани! Шени чириме, если любишь меня, роди мальчика, чтобы досадить Давиду! Дай только выместить мне на нем злобу, а потом делай со мной, что угодно, хоть убей меня! Дареджани, шени чириме, прошу тебя, умоляю!

— Рожу, клянусь твоей головой, рожу, если так, — ответила княгиня таким тоном, точно в ее власти было родить ребенка. — Вчера ночью во сне какой-то старец с белой, как лунь, и с длинной до самых ног бородой дал мне выпить какое-то лекарство и сказал: «Плодитесь и размножайтесь, как Яков!». Я тотчас же приложила к его коленям и за себя, и за тебя.

— Правда? — вскрикнул Луарсаб, снова окрыляясь надеждой. — Своими глазами видела?

-- Вот как тебя вижу.

— Шени чириме, Дареджани! Значит, есть надежда?..

— Ну, конечно!

— Ах, шен генацвале, — поверил Луарсаб и улыбнулся, — как это он тебе сказал?

— «Плодитесь и размножайтесь, как Яков».

— А кто был этот Яков?

Дареджани не знала, кто был Яков. Слышала его имя в церкви во время богослужения, но кто это был, когда жил, что собой представ-

лял, — ничего этого не знала Дареджани. Но она постеснялась обнаружить свою неосведомленность и, как свойственно всякому грузину в таких случаях, предпочла соврать что-нибудь, вместо того, чтобы прямо сказать: «Не знаю».

— Кто он был? — переспросила она. — Неужели ты и на богослужении не слышал?.. Он был сыном двоюродного брата свояка Авраама.

— А что значит: «Плодитесь и размножайтесь, как Яков»? —

— Это и значит: «Плодитесь и размножайтесь», — объяснила Дареджани.

— Так, значит, есть надежда?

— Ты опять? Не будь таким неверующим! Грешно это!

— Не буду больше, не буду! Я готов откусить себе язык, только бы ты родила мне ребенка, только бы не дать торжествовать Давиду!

— Бог милостив. Говорю же, не дадим ему торжествовать.

— Ах, хоть бы ты в самом деле родила!

— Ты опять за свое? Не будь таким упрямым! Как же можно не верить словам святого старца, что с тобой?

— Ах, чорт побери! Я хотел сказать про себя, но невольно слетело с языка. Хоть бы ты...

— Опять?

— Фу, чорт возьми! Чуть было снова не сорвалось. Это оттого, что очень уж хочется иметь ребенка... Нет, уж лучше я лягу и засну, а то, знаю, снова вырвется у меня это слово, и бог прогневается на меня.

— Да, это станет с тебя! Ты столько попрекал телетского угодника, столько раз твердил — «далеко», да, «далеко», что он прогневался на нас и вот до сих пор не дает нам детей.

— Но ведь я тотчас же раскаялся. — «Не гневайся», — говорю. — Почему же он не помиловал? Что из того, что я всего разок и сказал: «Куда ехать в такую даль?» Священник и то ошибается при богослужении.

— Хорошо, хорошо, бог с тобой. Впредь по крайней мере не грехи.

— Так я лучше засну.

— Как хочешь.

Луарсаб повернулся набок и через несколько минут по обыкновению блаженно захрапел.

Но лучше было ему не засыпать. Ужасный сон приснился ему. Снилось ему, что Давид вне себя от радости, оттого что у Луарсаба нет детей. Ходит Давид всюду и все твердит: «Когда же околеет мой окаянный брат Луарсаб, чтоб завладеть его именем?» Обидно Луарсабу, душит его злоба, подкатывает к горлу. Но что он может сделать? «Господи! — сокрушенно говорит он во сне. — Чем я прогневал тебя, милосердного, что не даешь мне ребенка? Ты приказал мне, и я тотчас поехал в Телети на поклонение твоему угоднику. Я зарезал для тебя трехрублевого барана. Я зажег тебе свечек на сорок копеек. Что я могу еще сделать? Не пропускаю всенощной и литургии, посты соблюдаю строго. Каждый год исповедуюсь и принимаю святое причастие. Вот спроси нашего священника, если я чем-нибудь согрешил. Зачем же ты хочешь дать меня в обиду Давиду? Кто может счесть, сколько он грешил на своем веку? В прошлом году, в день усекновения главы Иоанна крестителя он поел мяса; если увидит кусок хлеба, валяющийся на земле, не только не поднимет его и не поцелует, но наступит ногой и даже, мо-

жет быть, растопчет его. Ест неосвященный виноград, не дожидаясь праздника преображения господня. На пасху не может дожидаться священника, чтобы тот освятил ему трапезу. Накидывается на мясное, как медведь. Вот какой он обжора! Правда, он причащается, но что толку? Три дня всего говеет, только три дня! Что это за причастие? Ты все это знаешь, преблагий бог, и все же ты держишь его сторону. Но да будет благословено твое правосудие! Да, вот еще забыл сказать: у него есть гончая, так он кормит ее из своей же тарелки. А считается христианином. Я же подобным не грешу, почему же ты отвернулся от меня? Не потому ли, что я колебался ехать в Телети? Но ведь я сейчас же раскаялся?..»

Так жаловался богу во сне Луарсаб. Потом ему снилось, будто бог внял этой жалобе и переложил гнев на милость. Будто вот уже восемь месяцев, как Дареджани беременна. Еще месяц, один, единственный месяц, и у Луарсаба назло Давиду родится сын. РадуетсЯ Луарсаб, что его жалоба дошла до бога, а Давид и его жена готовы лопнуть со злости. Луарсаба радует не столько рождение сына, сколько возможность досадить брату. Вот уже прошло две недели, и еще через две недели Дареджани разрешится от бремени. РадуетсЯ Луарсаб, но—вот несчастье!—он внезапно опасно заболевает и умирает. Но умирает так, что чувствует все происходящее вокруг него. Слышит, как Дареджани страшно кричит и плачет над ним, а деревенские плакальщицы вторят ей своим причитанием. Слышит, как где-то в углу Давид и Елисабеди смеются, подпрыгивая от радости, и перетаскивают к себе домой вещи Луарсаба. Луарсаба охватывает бе-

шенство: хочет встать, но знает, что он мертв и потому не встает. «Завтра завладею всем имением», — громко произносит Давид. — Эти слова причиняют Луарсабу невыразимые страдания. Он хочет сказать: «Не отдавайте! Дареджани в положении, и на-днях она родит сына», но знает, что он мертв, и потому не говорит ни слова. В ужасном положении Луарсаб, но что может сделать мертвец? «Ах, как не во-время я умер! — Как-раз, когда богу угодно было даровать мне сына! — говорит Луарсаб во сне. — Ах, если бы мне ожить!»

Но где ему ожить? Вот уж и гроб принесли, вот одели и положили его в гроб, поставили гроб на тахту. На третий день пришли священники. Подняли гроб и понесли с пением и плачем. Среди общего плача и стенаний слышит Луарсаб радостное пение Давида и его жены. Чувствует он, что уже кончилось отпевание и его отнесли на кладбище. Хочет сказать: «Не хороните меня», но знает, что он мертв, и потому не говорит ничего. Вот уж и в землю опустили бедного Луарсаба. Он слышит, как Давид, стоя у края могилы, говорит диамбеги: «Завтра я приму имение». Елисабеди же сердится: «Что ты мелешь? Зачем откладывать на завтра? Разве нельзя принять сегодня же?»

Луарсаб слышит все это, страдает, изнывает, сопит, кричит, холодный пот выступает у него на лбу. Он все дрожит от страха и от злобы, что у Давида развязаны руки и что он будет своевольничать. «Ах, если бы теперь ожить!» — говорит про себя Луарсаб.

Но где ему ожить? Вот и землей стали засыпать. Сначала кидают ее пригоршнями, и она стучит по доскам гроба. А теперь уже лопата-

ми засыпают. У Луарсаба стынет кровь и замирает дух. Вот он начинает задыхаться. Еще минута и всему конец! Но кто ему поможет? Слышно, как постепенно стихают шаги. Все ушли, бросив его одного в могиле. Чуть не разорвалось его сердце от горя, когда даже Дареджани, его возлюбленная Дареджани, вместе с другими покинула его вместо того, чтобы лечь рядом с ним в могилу. Не выдержал Луарсаб и заплакал. «Этого ли я ждал от нее? — говорит он про себя. — Но подожди! Попадешь и ты на тот свет, тогда и посчитаемся с тобой!» Так он разговаривал сам с собой, когда вдруг сверху донесся до него топот. Луарсаб притих, прислушиваясь. Слышит, как Давид и Елисабеди, взявшись за руки, пляшут на его свежей могиле и кричат ему сверху: «Наконец-то ты подох!» Тут Луарсаб вспылил: задвигался со всей силой, чтобы приподняться, скинуть крышку гроба с землей, вылезть из могилы и проучить их как следует. С плачем и стенанием он подпрыгнул, стараясь вырваться из могилы, и... грохнулся с тахты на кирпичный пол. Тут он продрал глаза. Но кошмар все еще держал его в плену, и он остался лежать пластом на полу, с изумленным видом, глупо разинув рот. Он был так оглушен, что долго не мог притти в себя, не будучи в состоянии не то, чтобы встать, но и просто шевельнуться. От страха лицо его, на котором выступил холодный пот, покрылось мертвенной бледностью.

При его падении сотряслась комната. Дареджани, которая задремала на другой тахте, проснулась и, не подозревая, в каком состоянии Луарсаб, вскричала:

— Луарсаб! Ты почувствовал землетрясение?

Луарсаб, все еще находившийся во власти сновидения, ничего не ответил. Дареджани привстала и только теперь увидела, что Луарсаб неподвижно лежит на полу, глупо тараща глаза. Дареджани побледнела.

— О, горе твоей Дареджани! Что это с тобой, генацвале? — воскликнула она.

Но и этих слов не слышал Луарсаб. От страха, который все еще не проходил, ему казалось, что сновидение продолжается. Он не слышал и не видел ничего, хотя и лежал с раскрытыми глазами. Да! Ему казалось, что сновидение продолжается. Одно лишь удивляло его: «Меня уже похоронили, а между тем я нахожусь в своей комнате. Как это случилось?»

Это обстоятельство сбило его с толку. Поэтому вместо ответа он устремил на Дареджани испуганный, полупомешанный взгляд.

Дареджани охватил ужас. «Уж не сошел ли он с ума?» Быстро соскочила с тахты и кинулась к распластанному на полу Луарсабу.

— Что с тобой случилось, генацвале? Отзовись, шени чириме, не то я не выдержу!

— Погоди... — с трудом произнес Луарсаб, махнув рукой в знак того, чтобы она удалилась, — дай-ка мне вспомнить.

Сказав это, он замолчал, но не двинулся с места. Тараща глаза и разинув рот, он силился восстановить то небольшое, что удержалось в его памяти при этом внезапном пробуждении.

— Генацвале, говори скорей, что с тобой? — снова взмолилась Дареджани, — я сама не своя от страха.

Луарсаб не обратил внимания и, занятый

мыслями о сновидении, начал громко говорить сам с собой.

— Я умер. Дареджани вначале плакала, но потом, когда меня похоронили и оставили лежать в могиле, изменила и она. Такая ли была у меня надежда на нее? Бросила меня, не захотела лечь со мной в могилу. А еще говорила, что любит! Ничего, доберусь до нее... А Давид?... Ах, собачья душа!.. Или эта ведьма, моя невестка!.. Устроили пляску на моей могиле!.. Доберусь и до них!.. Не будь я тогда мертв, задал бы я им!..

Многое еще в этом роде бормотал Луарсаб. Дареджани, побледнев, слушала, ничего не понимая.

— Шени чириме, Луарсаб! — сказала она, дрожа. — Ты во сне или наяву? Скажи, ради бога, а то я чуть жива от страха.

— Ах, теперь? Почему же не тогда, когда засыпала меня землей и оставила одного в сырой могиле?

— Что ты говоришь, шени чириме? Объясни?

— Нечего объяснять! Что толку в слезах? Ты должна была вместе со мной сойти в могилу. Не стыдно ли тебе? Как ты можешь смотреть мне в глаза?

— Вот где таилось мое несчастье! Вот когда я погибла! — вскричала Дареджани, выбежала на балкон с непокрытой головой и растрепанными волосами и стала звать людей на помощь, будучи убеждена, что злой дух оглушил ее мужа во сне и свел его с ума.

— Помогите, помогите! — кричала она, перевесившись через перила, и при этом била себя

7. И. Чавчавадзе

по голове. — Помогите! О, горе тебе, несчастная Дареджани, дожившая до этих дней!

От этого крика Луарсаб окончательно пришел в себя, вскочил и полуодетый выбежал на балкон узнать, что случилось с Дареджани. Увидя мужа, Дареджани вообразила, что он гонится за ней, и стремглав кинулась к лестнице, но поскользнулась и с грохотом покатилась по ступенькам. На крик собралась дворня.

— Держите его, вяжите! — визжала княгиня, которая при падении ушибла себе бока. — Держите его, а то он перегрызет нас всех! О, горе тебе, злосчастная Дареджани! Дожила ты до сумасшествия мужа! — кричала и колотила себя по голове, точно в сумасшествии мужа была виновата она. Луарсаб застыл на месте. Теперь уже ему показалось, что рехнулась жена, и слезы (доброе сердце было у бедного) брызнули у него из глаз.

— Чего ты кричишь? — воскликнул он прерывающимся от боли голосом, окончательно придя в себя. — Кто сошел с ума, моя радость, что ты? Я — в своем уме!

Дареджани взглянула на него и увидела, что это — Луарсаб, ее Луарсаб, однако все еще колебалась: «временами у сумасшедших бывает просветление», — подумала она.

— А ну, посмотри мне в глаза, — закричала она снизу и сама уставилась на него.

— На, душенька! — сказал Луарсаб, глядя ей в глаза.

— О чем ты говорил давеча?

— Когда это, шени чириме?

— Вот когда лежал на полу.

— Я видел сон и припоминал его.

•

— А почему ты лежал, растянувшись на полу?

— Мне приснился дурной сон: будто хоронили меня. Я хотел выскочить из могилы и упал на пол.

... Правда, шен генацвале? — обрадовалась Дареджани. — О, какой позор!.. А я на весь мир прокричала, что у меня муж сошел с ума.

Она поднялась, подошла к мужу и улыбнулась ему. Луарсаб по обыкновению заскрипел зубами.

— Ты в самом деле приняла меня за сумасшедшего, шен генацвале? — спросил Луарсаб.

— В самом деле, шени чириме.

— Ах, чорт возьми! — А мне показалось, что это ты сошла с ума. Слава богу, что мы оба здоровы. Не ушиблась ли на лестнице?

— Ничего, пройдет. Я все забыла, когда увидела, что ты здоров.

— Я тоже.

— Уй, шени чириме! Что стало бы со мной, если бы ты, действительно, сошел с ума? — сказала Дареджани и, в избытке счастья, оттого, что Луарсаб в своем уме, ущипнула щеку мужа.

Луарсабу эта ласка понравилась. Не желая отстать от нее, он в свою очередь ущипнул ее, добавив нежным голосом и улыбаясь: «Вот тебе!»

XI

Луарсаб рассказал свой сон жене от начала до конца; она истолковала его в том смысле, что ровно через девять месяцев у них должен родиться ребенок.

— Как так? — спросил Луарсаб.

— Ты плакал во сне? Так?

— Плакал.

— И я плакала?

— И ты плакала.

— Плакать во сне — это к радости. А какая же у меня с тобой другая радость, как не рождение сына? Значит, будет у нас ребенок,—сбудется твой сон.

— Верно, верно! Ведь плач — это к радости. Непременно так и сбудется. Чудесный сон! Вот когда лопнет от досады Давид. Посмотрим, заплашет ли он еще? Господи, на тебя вся надежда!

В это время Ламазисэули открыла дверь и радостно вбежала в комнату.

— Барыня, барыня! — закричала она, еле переводя дыхание. — Чамчиашвили, у которых бешеная собака покусала ребенка, позвали знахарку. А она, оказывается, умеет еще и гадать. Не желаете, чтобы она погадала вам? Говорят, что тотчас же отгадывает все, что у человека на сердце и что у него написано на роду.

— Сахар тебе на уста¹, моя Ламазисэули! — вскричала обрадованная Дареджани. — Беги сейчас же и приведи ее сюда. Скажи, мол, подарят тебе денег.

Дворовая девка выбежала.

— Дареджани, шени чириме! Сон сбывается! — сказал обрадованный Луарсаб, кривя рот в улыбке. — Ва! Чего тебе еще? Сам бог прислал гадалку. Разве это не предзнаменование?

— Ну, конечно! Недаром я говорила, да ты все не верил. На что же я надеялась, когда уве-

¹ Ср. с поговоркой: «Твоими устами да мед пить».

ряла тебя, что у меня будет сын. Сердце давно мне подсказывало.

— И мне давно подсказывало сердце. Вот оно, оказывается, в чем дело! Вот когда лопнет с досады Давид!

— Что с ними стряслось, что они так спешно позвали меня к себе и заставили бросить больного ребенка, — спрашивала по дороге у Ламазисэули маленькая, согнутая, сморщенная старушка.

— Бог весть. Ведь знаешь, бездетные они, ну и...

— Это я и без тебя знаю, что они бездетные, — прервала ее опытная, лукавая гадалка.

Глупая Ламазисэули удивилась: откуда ей известно это?

— А то, что они послали в город к гадалке, и та сказала, что надо помолиться в Телеги, тебе и это известно? — спросила она и пристально посмотрела на нее, ожидая, что та ответит.

— Конечно, моя милая, известно. На то и наше ремесло. Этим я и добываю себе кусок хлеба, как же мне не знать? — ответила смышленная старуха с таким спокойным видом, точно и в самом деле знала.

— Так ты и то знаешь, что мы были в Телеги?

— Говорю же тебе, милая, что это наше ремесло. Этим мы и живем. Как же нам не знать? — ответила гадалка, радуясь в душе, что напала на дуру, которая сама выболтала ей по дороге некоторые нужные сведения.

Ламазисэули же удивлялась такому всеведению старухи.

Она повела гадалку мимо конюшни. Старуха оглядела двор и заметила какую-то выбоину. «Вот хорошо!» — сказала она про себя.

Муж с женой с нетерпением ждали гадалку. Наконец она явилась. Только вошла в комнату и поклонилась, как тотчас же закидала их искусно подобранными словами:

— Коршуна спросили: «Что легче для тебя — лишиться детей или остаться два месяца без воды?» — «Без воды!» — ответил он. «А ты что предпочитаешь?» — спросили мула. «Остаться без детей», — ответил он. Вам такого вопроса не задавал никто, почему же у вас нет детей? Кто проклял вас?

Огорошенные супруги переглянулись. Как она угадала так быстро? Луарсаб разинул рот, не понимая еще значения этих слов. Когда же понял, словно испугался, — перекрестился и сказал с таким видом, какой бывает у некоторых во время грозы:

— Благословенно имя твое, господи! Что я слышу? Ради бога! Послушай, ты что же, в сердцах у нас вычитала, что ли?

Гадалка ничего не ответила, будто не придает никакого значения такой похвале. Обратившись озабоченно к Ламазисэули, она сказала:

— Принеси чашку с чистой водой, нож с черной рукояткой, кусочек угля и свежей пшеницы.

Ожидая, пока та принесет все это, Луарсаб и Дареджани молчали, точно онемев. «Такое ясновидение невозможно без дьявольского навождения», — подумали они. Как же было не ли-

шиться языка от страха при упоминании о дьяволе?

Дворовая девка принесла все, что ей было поручено. Старуха села на пол, бросила в чашку сначала одно зернышко, взяла в руки нож и уголь и стала что-то бормотать, точно наговаривая. Затем пристально заглянула в воду.

Муж и жена с трепетом ожидали, что сулит им судьба.

— Вы обращались в город к гадалке, — начала колдунья, — хорошая попалась вам гадалка, правильно посоветовала помолиться в Телети.

На этот раз Луарсаб и Дареджани перепугались не на шутку и уставились друг на друга. Никогда в жизни не слыхали они о подобном прорицании.

Старуха, точно не замечая ничего, усиленно шевелила губами и одно за другим бросала в чашку зерна.

— Хорошо вы поступили, — продолжала она, — хорошо поступили, что поверили гадалке и поехали помолиться в Телети, да осенит он вас своей благодатью! Но...

Тут старуха прервала речь. Точно желая вычитать в воде, она стала упорнее вглядываться в нее.

— Но что?—вырвалось одновременно у мужа и жены.

— А то, что у гадалки немного нехватило прозорливости. Угадай она все — почему бы не помог вам телетский угодник?

— А ты винила меня, Дареджани! Помнишь, упрекала недавно? Выходит, что это не моя вина, — сказал Луарсаб жене, не сводя со старухи изумленного взгляда.

— Погоди, какое время говорить об этом? Я сама не своя от страха! Что это за женщина, шен генацвале! — говорила перепуганная Дареджани.

— Да, это вина гадалки, — заговорила опять колдунья. — Ее вина. Будь у нее больше разумения, сидел бы у вас на коленях сын, да, сидел бы, если бы...

Тут лукавая женщина снова прервала свою речь и еще внимательнее уставилась на воду. Луарсаб и Дареджани превратились в слух.

— Конечно! Телетский угодник помог бы вам, да снизойдет на вас его милость! Он помог бы вам... — тянула гадалка, не сводя глаз от чашки, — не будь у вас в доме заворожки.

Луарсаб и Дареджани, обомлев от страха и дрожа, вскричали в один голос:

— Горе нашему очагу, так рано погибшему!

— Не бойтесь! Теперь та заворожка неопасна. Она у меня в руках.

— Покажи-ка, если она у тебя в руках! — сказал Луарсаб, но, боясь взглянуть, обратился к жене: — Я не могу смотреть, я закрою глаза, а ты рассмотри ее как следует.

— Уй, нет, шен генацвале! Лучше посмотри ты, а я закрою глаза, — ответила побледневшая от страха Дареджани.

— Не бойтесь! — поспешила успокоить гадалка. — Вы думаете, она в самом деле в моих руках? Ваша заворожка у вас во дворе.

— Где, генацвале, где? Эй, люди! Помогите! — закричал барин.

— За конюшней у вас яма. В ней и лежит заворожка.

— Эй, люди! А ну, ребята! Скорей, кто хочет милости от барина, кто хочет хорошую чоху? За конюшней, оказывается, яма. Валяйте,

валяйте, ребята!—кричал в комнате оробевший Луарсаб.

Дареджани же охватила дрожь. Губы у нее посинели.

Но она все же сказала мужу:

— Сколько бы ты ни кричал здесь, кто тебя услышит? Выйди во двор и кликни людей.

— Нет, милая, на этот раз выйди ты, а потом я выйду хоть сорок раз!

— Выходи, чего ты боишься? Не задушит же тебя заворожка?—говорила княгиня, сама же боялась выйти.

— Нет, генацвале, выйди ты. Что тебе стоит? Ну, ради бога, выйди. Умоляю тебя. Выйди, если любишь меня.

— Не стыдно ли тебе? Посылаешь меня, женщину, а еще называешься мужчиной и носишь шапку!

— Что ты говоришь? Какое время толковать о мужестве, когда в доме заворожка?

— Я позову людей, — сказала гадалка.— Не стоит вам беспокоиться из-за этого.

— Да, милая, позови ты. Видишь—мы совсем расстроены, взмолился Луарсаб.—А неопасно ли нам оставаться в комнате одним?

— Нет, ничего.

Гадалка вышла и отправила дворовых вытаскать заворожку. Долго они вертелись около конюшни, но не нашли там никакой ямы. Пришли к барину и сказали:

— Откуда там взяться яме?

— О, горе мне! — вскричал Луарсаб.—Заворожка им заслепила глаза. Что нам теперь делать?

Гадалка ухмыльнулась.

— Я пойду сама. Мне-то заворожка не заслепит глаза. Идите вы тоже, чтобы самим убедиться.

— Нет, генацвале, мы и так тебе поверим,— ответил Луарсаб, боявшийся итти.—Иди без нас, и посмотри; все равно, будто мы смотрели сами.

Старуха ушла в сопровождении дворовых и немного спустя притащила какие-то тряпки.

— Не заносите сюда! — кричал Луарсаб, спрятавшись в угол.—Не заносите сюда! Там же сожгите, там же!

Заворожку сожгли.

XII

На второй день Луарсаб вызвал дворовых людей и повел с ними такой разговор:

— В самом деле была яма?

— Мы сами ее видели. Пусть покарает нас твой гнев, если врем! — ответили парни, посмеиваясь в душе.

— Нет, правда? Видели собственными глазами?

— Собственными глазами, вот как теперь видим тебя, батоно.

— Да славится имя господне! Столько лет я живу здесь и не видел там никакой ямы. Слыханное ли дело? Как это она угадала? Какая у нее должна быть прозорливость!

— Это же ее ремесло, шени чириме, потому и угадала,—подтвердили парни.

— Должно быть, так, иначе... Ах, чорт ее побери! Вы сами-то когда-нибудь видели там яму или слышали о ней!

— Откуда им было видеть то, чего нет, — пробурчал молодой крестьянин, горделиво стоявший немного в стороне, положив руку на кин-

м.зл.—Что-то там наковыряла детвора, а та ведьма превратила это в яму.

— Но, конечно, это было сказано так, чтоб Луарсаб не слышал.

— Тебе-то что за печаль, братец ты мой?— шепнул ему один пожилой и умудренный жизнью крестьянин. — Видишь — барин рад тому, что там яма. Ну, и пусть думает, что это так! Тебе-то что?

А затем, повернувшись к Луарсабу, лукаво сказал ему:

— Клянусь твоей милостью к нам, я до сего дня не видел там ямы, и не слыхал о ней. А ведь здесь мне отрезали пуповину и здесь я прожил весь век, скоро и помирать пора. Но, известное дело, шени, чириме, это — искусство ведьмы.

— А разве она ведьма?

— Конечно. Ведь они, проклятые, в ведьмину ночь, в чиакокона¹ садятся на метлу и летят к своему повелителю. Сказывают, будто мать нашего Читурашвили тоже садится на метлу, как на коня, и через трубу,—эри бичо!

Об этом и я слышал. Сколько чудес на свете! Дивны дела твои, господи!—перекрестился Луарсаб.—Значит, и старуха Читурашвили умеет гадать?

— Не всем же дано, шени чириме! Повелитель, к которому прилетают ведьмы с подарками в ведьмину ночь, тот повелитель говорит им так: «Вот тебе, такая-то, дарю знахарство», а другой скажет: «Дарю тебе колдовство». Так-то!

— Вероятно, так, иначе, как она могла уга-

¹ Костер, зажигаемый в марте—апреле, аналогичен кострам «Иванова дня».

дать, что там яма? Вот, должно быть, умен их повелитель!

— Говорят, умнее Соломона Мудрого.

— Ясно! По всему видно. Господи, твоя воля!—еще раз перекрестился Луарсаб и вошел в комнату Дареджани.

— Видела, какие дела натворила эта проклятая, беззубая старуха? — сказал он жене. — Она, вероятно, первый человек при дворе их повелителя. Господи, боже мой! Что мне довелось видеть, шени чириме!

— Довольно, не напоминай мне, ради бога. До сих пор у меня от страха по телу пробегает дрожь.

— Вот что называется прорицание! Сколько людей живет у меня в доме с самого рождения, но никто до сегодняшнего дня не знал, что там яма. Что она сделала, шени чириме!

— Не иначе, как в ней сидит дьявол, прости, господи!

При упоминании о дьяволе муж с женой перекрестились и трижды плюнули в сторону.

— Ну, уж если и теперь не будет у нас ребенка, это будет великий гнев божий!—сказал Луарсаб.

— Что ты, господь с тобой! Какие тут могут быть разговоры? Я так уверена, точно ребенок уже сидит у меня на коленях. Чего только она не отгадала? Как не поверить после этого?

— А как же! Я к тому и говорю. Что было бы с нами, если бы бог—да святится его имя!—не создал ворожбы? Кто бы тогда отыскил за-ворожку?

Оба замолчали, мысленно перебирая в памяти подробности вчерашней необычайной истории. Наконец заговорил Луарсаб:

— Дареджани! Не высмотрела ли она в воде? Что ты скажешь?

— А может и так? Да сохранит тебя господь, она не иначе, как в воде высмотрела!

— Не знаю. Мне кажется, что это так!

— Бог ее знает, может, и, действительно, так...

— Не знаю. Думается мне, что именно так.

— Клянусь тобой, не иначе, как так.

— Не знаю, мне разум так подсказал.

— Сердце мое то же подсказывает, клянусь твоей жизнью, Луарсаб!

— Когда она бросала в воду зерна и появлялись какие-то круги... Вероятно, это и было?

— Может и так. Да, верно, это и было.

— А что «это»?

— Вот «это» самое, о чем ты говорил.

— Я же говорил тебе, — ответил Луарсаб, гордый тем, что отгадал. — Именно так и было. Не дьявол же та старуха, чтобы творить такие чудеса?

— Должно быть, так и есть! А я, прости, господи, заподозрила ее в чертовщине.

— Какая там чертовщина? Ведь у нее не было рогов, а у дьявола должны быть рога.

— Что ж, разве я не знаю этого? Но просто так подумала.

— Ну, это другое дело.

Оба замолчали, будучи убеждены в том, что сегодня отгадали и уразумели то, чего не понимали вчера, когда смотрели на гадалку.

— А здорово я угадал! — похвастался Луарсаб.

Дареджани, хотя и любила мужа, тем не менее хотела, чтобы первенство в отгадке при-

надлежало ей, а не Луарсабу. Человек всегда честлюбив, будь он глуп или мудр.

— А разве я не могла бы угадать, если бы захотела?—ответила Дареджани.—Не хотела, а то я еще вчера угадала!

— Ну, теперь заладишь про это!

— Клянусь богом, это правда.

— Тебе ничем не угодишь. Если даже Соломон Мудрый придет, ты и тогда скажешь: «Я умнее тебя». Что, в самом деле? Уступи хоть раз! Не посторонний же я тебе, а муж ведь?

Не знаю, уступила ли, она или нет. Знаю лишь, что Луарсаб был очень обижен соперничеством жены.

XIII

Гадалка внушила супругам твердую уверенность в том, что у них родится ребенок. Никакое сомнение не могло поколебать эту уверенность, которая настолько окрепла, что в один прекрасный день Дареджани показалось, будто у нее в утробе зашевелился ребенок. Понятно, что обрадованная Дареджани поспешила поделиться радостью с мужем.

— В самом деле зашевелился?—воскликнул Луарсаб, обезумевший от счастья.

— Что ты говоришь, генацвале? Такая почтенная женщина, как—я, и то чуть было не подпрыгнула от радости, но вспомнила, что у меня может произойти выкидыш. А ты все не веришь!

— Уй, шен генацвале, сладость моей души! Вот молодчина, что не подпрыгнула, а то был бы выкидыш. Как ты вспомнила об этом при такой радости? Клянусь богом, я подпрыгнул бы, да так еще, что, упави я на землю, лопнул

бы, как спелый огурец. Вот когда околеет Давид! Пусть-ка теперь пустится в пляс! Давай-ка сегодня кутнем с тобой! Прикажем открыть кувшин¹ с хорошим красным вином и выпьем за здоровье нашего сына. Ура-а!—закричал Луарсаб, лежавший по обыкновению на тахте, и, задрав высоко ногу, не опускал ее пока не кончил кричать «ура».

Было это в обеденное время.

Они велели налить красного вина из непочатого кувшина. Уверенные в том, что у них родится наследник, а Давид лопнет от злости, супруги за обедом развеселились. В особенности разошелся Луарсаб, изрядно напившись. Елисабеди утверждала, что и Дареджани якобы выпил выпить. Не знаю. Знаю только, что и она выпила несколько стаканов. Луарсаб осушил подряд три стакана за здоровье еще неродившегося сына и обратился к жене с «аллаверды»². Хотя Дареджани и была под хмельком, тем не менее она не уронила женского достоинства и, приняв стакан, не выпила ни глотка.

— Выпей, шени чириме!—говорил, пьяный Луарсаб, — не порть мне веселия! Неужели не выпьешь за здоровье нашего сына? Кто же выпьет за него, если не мы с тобой? Бог рассердится на нас, скажет: «Я им сына дал, а они не хотят пить за его здоровье». Не гневи милосердного бога! Наконец-то обратил он на нас свой взор. Да и мне не порть веселья. Выпей, генацвале, — говорил он, снова протягивая ей стакан.

Дареджани взяла стакан, но с такой застен-

¹ Вино в Грузии хранилось в больших кувлинах, зарытых в землю.

² Вызов собутыльнику, сотрапезнику на ответную чару.

чивостью, с таким закатыванием глаз, с такой приятной улыбкой, что я тотчас же смекнул: княгиня навеселе. Взяв стакан, она залпом осушила его. Потешный был вид у княгини: хмель постепенно овладевал ею, щеки ее покраснелись еще больше, и улыбка не сходила с уст. Нижняя губа отвисла, и потекли слюни; глаза помутнели и стали произвольно закрываться,—словом Дареджани раскутилась во-всю.

Луарсаб опьянел и заплетающимся от хмеля языком понес всякий вздор. Дареджани же мотала головой, все время улыбаясь ему.

— Ах, милая Кахетия!—говорил, занкаясь, пьяный Луарсаб.—Не будь ее, не было бы и кахетинского¹. А что тогда представлял бы я собой? Кто вспоминал бы тогда известное всем имя Луарсаба? Если сегодня и поминается где мое имя, то только благодаря вину. Если я и считаюсь сегодня человеком, то только по милости вот этого сока черного винограда. Во всей Грузии не сыскать и двух, которые могли бы выпить столько, сколько я. Мастер я пить! Умей я еще петь, вино всей Кахетии не одолело бы меня: пение помогает легче переносить вино. Но вот беда—не умею петь! А так, чего мне не хватает? Брюхо у меня очень пригодно для питья: здесь поместится хоть четыре чапи². Ты ведь помнишь того имеретина? Вот, что приезжал сюда и говорил, что он поверни³ Дадияни. Какой там поверни! Его нарочно подослали сюда имеретины: поезжай, мол, в Кахетию, там живет чудо-человек—Луарсаб Таткаридзе. Напой толь-

¹ То есть кахетинского вина.

² Мера жидкости — 20 с лишним бутылок.

³ Искаженное—поверенный.

ко его—дадим тебе пол-Имеретии. И вот, как увидел меня, тотчас же смекнул, с кем имеет дело, взял и назвался повэрним, чтобы не опозорить свое имя. Не сочти за хвастовство, но мое имя известно до Татарского царства. Слава обо мне дошла и до Имеретии. И вот, твой неудачник Луарсаб так скрутил того чванливого имеретина, так, что тот запросил пощады. Сам же, своими устами сказал мне: «Ты, мол, настоящий богатырь». И палец согнул¹, и на ухо шепнул мне: «Ты выиграл заклад; половина Имеретии принадлежит тебе». Если бы я стал судиться, непременно получил бы ее. Но в ту пору и своего родового имения у нас было столько, что хоть отбавляй. Не успевали присматривать. Так на что же мне сдалась эта Имеретия? Теперь — другое дело: теперь есть, кому присмотреть. Да будет благословенна твоя утроба! Сидит в ней маленький Таткаридзе и барахтается в красном вине! Уф, шени чириме, моя Дареджани. Дай-ка расцеловать твои нежные губки...

Да, значит, родился у нас сынок... Давай подумаем о его свадьбе. Знаешь, что, Дареджани? Ты вот — умная женщина, и я, слава богу, не дурак, как только ему исполнится четырнадцать лет, посчитай-ка, когда это будет... кажется немного уж осталось ждать? Да, так вот, как только исполнится ему четырнадцать лет, надо будет его женить. Чего ж еще ждать? Станцуешь лезгинку на его свадьбе? А я, будь уверена, так пушусь в-присядку, что пыль столбом пойдет! А знаешь, что я сказал тому имеретину, которого я победил? «Иди—говорю,—и где расскажешь о себе, расскажи и обо мне². Имеретинам же

¹ Знак покорности.

² То есть, если будешь хвастаться, расскажи и про свое поражение.

передай, что их кислоты нехватит мне и на пол-глотка, а пол-глотка останется за вами, вот, мол, какие мы молодцы в Кахетии!» Ну, что, скажи, ради бога, хорошо сказано?

— Хорошо и благородно.

— То-то! Дай-ка еще раз поцеловать твои щеки. Ну, скажи, Дареджани, станцуешь лезгинку на свадьбе сына?

— Почему же нет?

— Вот так, душенька! Давай, вот что мы сделаем. Будто сейчас свадьба. Ну-ка спляши «дидоури», а я буду подпевать «гандидури». Ну, пожалуйста, если любишь меня! Будто это на свадьбе. А хочешь лезгинку станцуем? Чупра-чупар, Дареджани, чупра-чупар, Дареджани. Ура-а! Эх! раз... до... лье... у нас... Ка... хе... тин... ское... ви... но... ди... див...: но...: е... Здор... рово... я... скрутил этого... им... име... ретина... А... Да... вид... пусть лоп... нет... Ура-а...—ора! на мотив песни Луарсаб, что-то бессвязно бормотал и наконец заснул.

XIV

Не пора ли кончить? — спросит соскучившийся, а может быть, даже рассерженный читатель.

Да, я закончу. Но знаете, чем? Тем, что и счастье Луарсаба разрушится.

— Если разрушится такое прочное благополучие, что же тогда неизбежно на свете?—воскликнет вместе со мной опечаленный читатель.

Незыблем только мир, мой читатель, и прекрасная, умная грузинская пословица: «Предпочтительнее для отчизны, чтобы сын превосходил

отца». Пословица же: «Не оставляй старых путей»...¹—прокралась к нам из Китая, а все, что носит на себе отпечаток Китая, конечно, разрушится милостью божьей и твоею, — о, приверженный старине, и все же дорогой моему сердцу грузин!

Прошло некоторое время и непостоянство жизни многое изменило на лице земли. У наших супругов так и не родился ребенок. Дареджани выискала где-то знахарку и стала лечиться. Знахарка дала ей какое-то снадобье. Целых две недели поила она Дареджани, а на третьей Дареджани протянула ноги.

Овдовел бедный Луарсаб, похоронив вместе с женой все свое благополучие. Отпустил бороду, оделся в траур. И только две утехи остались у него на этом печальном свете: первое — аппетит, а второе вот что: когда барин собирался спать, Ламазисэули садилась у его ног и чесала ему пятки до тех пор, пока тот не засыпал. Вот и все, что еще являлось для него утешением. Его почтенное брюхо отощало. Его пухлые щеки пожелтели. Круглые, как у коровы, глаза впали. Мягкий свисавший тройной подбородок сморщился, как высохший инжир. Вместе с этим пропала его своеобразная и постоянная улыбка. Словом, пропал человек, да и все тут. Вот, что делает с человеком горе! Наконец в день преображения, как на беду, кум прислал ему фунтов пять форели. Луарсаб с горя накинулся на нее, заболел воспалением желудка и отправился к праотцам.

Умер Луарсаб так же, как умирают многие

¹ «Не оставляй старых путей, ни старого друга».

из нас; ничего не принося в этот мир своим существованием и ничего не отнимая у него своей смертью.

Навсегда исчез след пребывания этих двух душ на земле. Зачем пришли они в этот мир и зачем ушли из него? Ужели прожили полвека только для того, чтобы приобрести по четыре гробовых доски и по три аршина сырой земли? Или, чтобы иметь на надгробном камне надпись: «...Князь Луарсаб Таткаридзе и его княгиня Дареджани жили до такого-то года, а затем скончались»? Ведь ничто другое не скажет нам, что они жили на этом свете.

«Читатель! Помолись за отпущение нам грехов!»—гласит та же надгробная надпись. Для того ли прожили они на этом свете полвека, чтобы в конце-концов все-таки просить о милости и прощении?

Только теперь я понимаю, почему на надгробном памятнике старейшего из грузин написано: «Помолись за отпущение моих грехов». Этот жалкий обычай имеет свой смысл и основание. Но я не стану толковать тебе о них, читатель.

Если ты обладаешь добрым сердцем и проницательным умом, ты сам поймешь лучше меня. Если же нет, мне не стоит и говорить. Напрасно только огорчу, а то и разгневаю тебя. Гнев же может настолько застлать тебе глаза, что, если кто-нибудь и будет болеть душой больше, чем ты, не заметишь ты этого и его сердоболье примешь за предательство.

Я кончил, а ты, читатель, делай, что тебе угодно. Хочешь, смейся, хочешь, плачь, после

того, как прочитаешь эту повесть. И к тому, и к другому в повести имеется повод.

Если когда либо ты был наблюдателен и размышлял над тем, что видел вокруг себя, вероятно, ты заметил, что часто одно и тоже явление одних смешит, других же заставляет плакать.

Мне приходилось видеть одну убогую старушку в лохмотьях, с потрескавшимися ногами. Кто знает, вследствие какого несчастья она дошла до пьянства, потеряв навеки достоинство женщины и облик человека? Мне приходилось видеть, как уличные мальчишки, поймав эту несчастную старуху, заставляли ее, как шута, целый час плясать ради нескольких грошей. Я видел, что многие из них смеялись, некоторые же при виде этого жалкого создания—плакали. Кто из них был прав: смеявшиеся или плакавшие? И те и другие, ибо одни видели только глазами, а для глаз это зрелище было смешно, другие же видели и глазами, и рассудком, а рассудок редко когда смеется. Значит, одно и тоже явление может быть и смешно и печально.

Все зависит от твоего душевного склада. Если ты обладаешь такою силою ума, что встречаешь стойко истину, как бы печальна она ни была, и если к тому же обладаешь таким сердцем, что жалеешь обойденного судьбой и сбившегося с пути истины, то смешная повесть, подобная этой, скорее заставит тебя плакать.

Если же ты лишен всех этих свойств, смейся, сколько тебе угодно! Смейся и вместе с тем злись на автора этой повести и выдумай сплетню—ты же любишь выдумывать сплетни!—будто я изменяю грузинам, так как рассказываю о них смешные истории, не скрывая их, как это

делают некоторые малодушные патриоты. Знаю, что, к нашему несчастью, трудно среди вас, читатель, сыскать человека, который не побоится правды.

Знаю это и все же скажу напрямик, как доброжелатель, что Луарсаб и Дареджани вышли из твоего же лона, вскормлены твоей же грудью. Если ты вздумаешь посмеяться над ними, это все равно, как если б ты посмеялся над самим собой. Если же станешь оплакивать их, это хороший признак. Значит, ты скорбишь о том, что и мы таковы, и в тебе возникло желание исправиться.

В добрый час! Если я и люблю тебя, читатель, то потому, что надеюсь,—сегодня или завтра возникнет у тебя желание исправиться. Не отнимай у меня этой надежды!

Не думай также, что этой повестью я хотел рассердить тебя. Нет! Ее цель—показать тебе, (насколько она в состоянии) твои пороки, изъяны и недостатки, чтоб ты знал, в чем надо исправляться. Ведь пока не посмотришь в зеркало или пока не подскажет тебе кто-нибудь, ты не узнаешь, какой у тебя на лице недостаток.

Пусть же эта повесть будет зеркалом, а я, если угодно, подсказчиком!

Вглядишься. Может, что и заметишь.

Знай—только недруг утаит от тебя твои недостатки. Доброжелатель же тотчас поднесет тебе зеркало, чтоб ты их устранил и не сконфузился в обществе.

И я, как доброжелатель, принес тебе зеркало, станешь ли ты за это обижаться на меня?

Что же делать, если оно окажется с трещиной и кое-где с пятнами? Я дал тебе то, чем располагал. Помог, чем сумел.

А если ты все же не перестанешь сердиться, воля твоя. Я не боюсь твоего гнева. Меня лишь огорчит, что и в тебе я ошибся, и что ты оказался не тем, за кого я тебя принимал.

В этом случае мне остается лишь скрестить руки и сказать:

«Я-то прокричал, а рассветет или нет,—известно одному богу».

А не будь твоего гнева, и мы знали бы, когда наступит этот рассвет.

Счастливо же вам оставаться, и с миром поминайте вашего слугу!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	V
Кашиа адамняни	
Глава I	3
Глава II	7
Глава III	18
Глава IV	24
Глава V	46
Глава VI	53
Глава VII	65
Глава VIII	79
Глава IX	83
Глава X	89
Глава XI	99
Глава XII	16
Глава XIII	110
Глава XIV	114

Огв. редактор *Б. Буачидзе*. Лит. редакция перевода *Г. Агасова*
 Техред. *Г. Сорин*. Корректор *Е. Братко*. Сдано в производ-
 ство 20/VI.. Подписано к печати 4/VIII. Число типогр. знаков
 в 1 печ. л. 56832. Печ. л. 7¹/₂. Уполн. Главлита 3931. Тираж
 15000. Заказ № 1354.

Цена два рубля 15 коп.